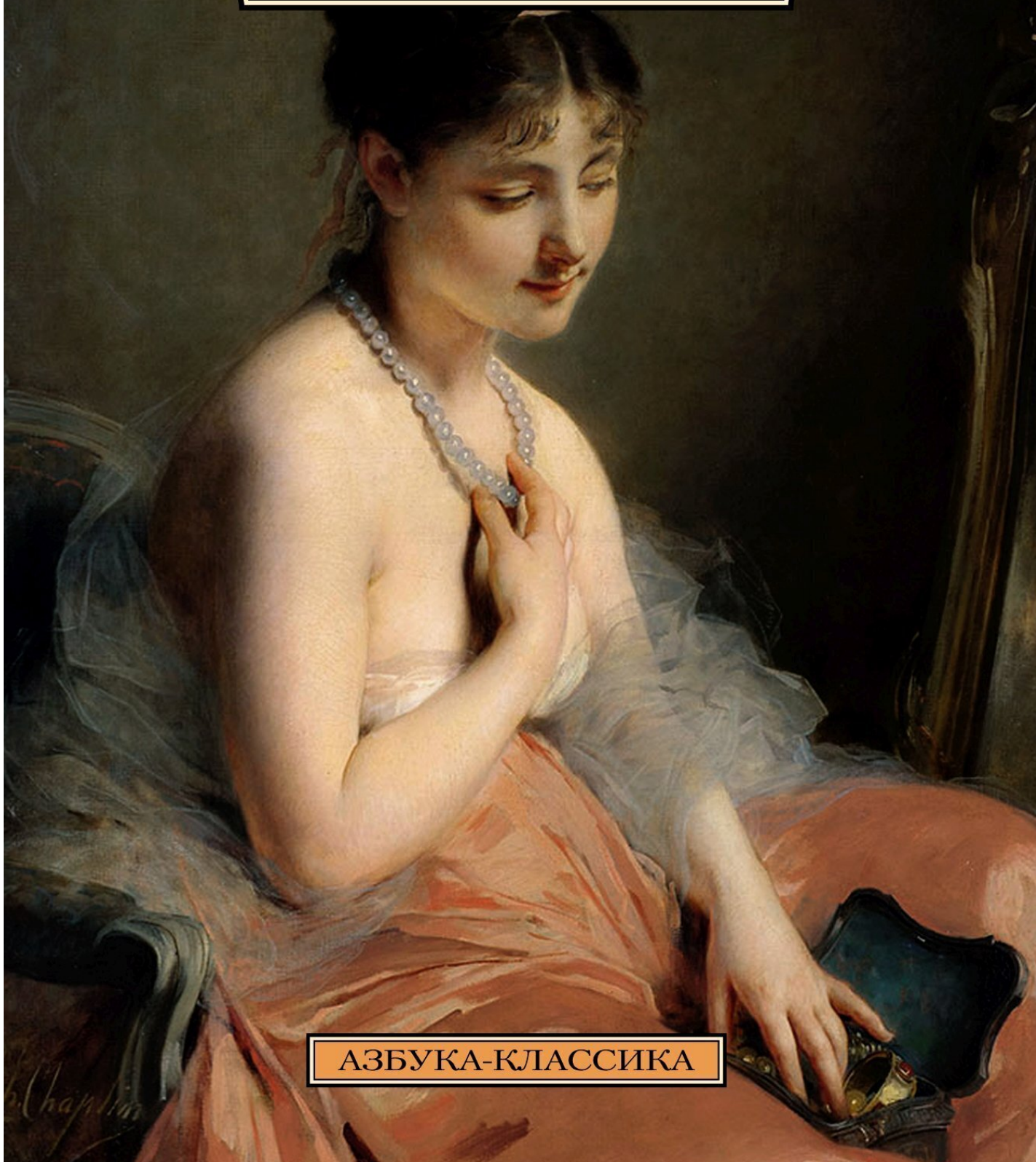

МАРКИЗ ДЕ САД

*Преступная
добродетель*

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Донасьен Альфонс Франсуа де Сад

Преступная добродетель

«Азбука-Аттикус»

1814

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

де Сад Д.

Преступная добродетель / Д. де Сад — «Азбука-Аттикус»,
1814 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-22059-1

Маркиз де Сад – одно из самых громких имен XVIII века, века великих авантюристов и сентиментальных путешественников, блистательных любовников и изящных философов. Творчество его высоко ценилось крупнейшими писателями за безграничную фантазию и смелость, на которые способны весьма немногие авторы. В настоящее издание вошли новеллы из знаменитого сборника «Преступления любви, или Безумства страстей», а также разнообразные рассказы, написанные с удивительным мастерством. Главная тема всех произведений – это, безусловно, любовь, однако любовь всепоглощающая, разрушительная, уничтожающая все на своем пути и готовая на любые жертвы ради достижения своей цели. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-22059-1

© де Сад Д., 1814
© Азбука-Аттикус, 1814

Содержание

Маркиз де Сад и его книги	6
Новеллы из сборника «Преступления любви, или Безумства страстей»	13
Графиня де Сансерр, или Соперница собственной дочери	13
Доржевиль, или Преступная добродетель	26
Жюльетта и Ронэ, или заговор в Амбуазе [1]	39
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Маркиз де Сад

Преступная добродетель

© Е. В. Морозова, перевод, статья, 1995, 2008, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Маркиз де Сад и его книги

Определения «безнравственно», «отвратительно», «ужасно» обычно сопровождают высказывания о творчестве французского писателя второй половины XVIII века маркиза де Сада. Созданная им разрушительная теория, согласно которой личности дозволяется во всем следовать своим самым низменным инстинктам, получать наслаждение от страданий других людей, убивать ради собственного удовольствия, стала называться «садизмом». Сочинения маркиза были вынесены за рамки большой литературы, а имя его предано забвению. В 1834 году в «Revue de Paris», впервые после смерти писателя, были опубликованы о нем такие строки: «Это имя известно всем, но никто не осмеливается произнести его, рука дрожит, выводя его на бумаге, а звук его отдается в ушах мрачным ударом колокола».

Неодобрительные, мягко говоря, характеристики, даваемые де Саду и большинству его романов, небезосновательны. Однако сводить его творчество только к описаниям эротических извращений было бы неправильно, равно как и из случаев неблагоприятного поведения писателя делать вывод о его личности в целом. Де Сад – сын своего бурного времени, очевидец и участник Великой французской революции, свидетель противоречивых послереволюционных событий, человек, проведенный в заточении почти половину своей жизни. Его творчество во многом отражает кризис, постигший человечество на одном из поворотных этапов его истории, причем формы этого отражения созданы мрачной фантазией писателя, а концепция и тематика неотделимы от современных ему литературных и философско-политических воззрений.

Начавшийся в 80-х годах XIX века процесс реабилитации писателя де Сада продолжается вплоть до наших дней и еще далек от своего завершения. Героев де Сада, живущих в поисках удовольствий, которые они находят в насилии и сексуальных извращениях, иногда отождествляют с личностью самого автора. Разумеется, жизнь «божественного маркиза», полная любовных приключений, отнюдь не являлась образцом добродетели, но и не была редким для своего времени явлением. Для сравнения можно вспомнить громкие процессы о нарушении норм нравственности и морали земляком де Сада, знаменитым оратором революции Мирабо.

Изощренный эротизм был в моде среди определенных кругов дворянского общества, французские аристократы нередко развлекались фривольными картинками любви. Осуждая их эротические пристрастия, философы-просветители сами поддавались всеобщему увлечению. Пример тому – фривольный роман Дени Дидро «Нескромные сокровища», имеющий мало общего с возвышенными идеалами Просвещения, философия гедонизма, исповедовавшаяся французской аристократией и превращавшая ее жизнь в сплошную погоню за мимолетными галантными наслаждениями, опосредованно отражала кризис феодального строя, рухнувшего и погребенного под обломками Бастилии 14 июля 1789 года.

Революционный взрыв был порожден не только всеобщим возмущением чересчур вызывающим поведением утопавших в роскоши всемогущих аристократов, не только стремлением буржуазии к уничтожению сословных привилегий, но и огромной работой просветителей, поставивших своей задачей обновление существующих порядков. Многие писатели-просветители стали властителями дум именно потому, что выступали как глашатаи смелых общественных идей. Блестящая плеяда философов, среди которых Монтескье, Вольтер, Дидро, д'Аламбер, Руссо, создала теоретические основы для построения нового, приходящего на смену феодализму общества. Материалистические воззрения Вольтера, эгалитаристские теории Руссо нашли свое отражение в революционной практике якобинцев и их вождя Робеспьера. Именно в этой богатой идеями и событиями обстановке были созданы программные сочинения де Сада. И именно в это время в общественном мнении начал формироваться мрачный облик личности писателя.

В 1989 году во всем мире отмечался 200-летний юбилей Великой французской революции, события, оказавшего огромное влияние не только на историю Франции, но и на развитие мирового сообщества в целом. Юбилейные торжества стали новым стимулом в исследованиях жизни и творчества маркиза де Сада, в стремлении осмыслить феномен Сада в контексте революции, разрушившей обветшалое здание французской монархии и провозгласившей Республику «единую и неделимую». Для защиты идей Свободы, Равенства и Братства республиканское правительство предприняло ряд чрезвычайных мер, приведших в результате к развязыванию в стране политики террора: благородные устремления якобинцев обернулись кровавой трагедией. В результате переворота 9 термидора (27 июля 1794 года) Террор был отменен, однако лишь после того, как все якобинские вожди и их многочисленные сторонники сложили свои головы на гильотине.

Революционная трагедия не могла пройти бесследно для переживших ее участников. Де Сад был одним из немногих писателей, принимавших непосредственное участие в деятельности революционных институтов, наблюдал революционные механизмы изнутри. Ряд современных исследователей творчества де Сада считают, что в его сочинениях в мрачной гротескной форме нашли свое фантазмагорическое преломление кровавый период Террора и исповедуемая якобинцами теория всеобщего равенства. Противоречивые мнения о произведениях маркиза свидетельствуют о том, что творчество этого писателя еще не изучено в полной мере.

Донасьен-Альфонс-Франсуа маркиз де Сад родился 2 июня 1740 года в Париже. Его отец, Жан-Батист-Франсуа, принадлежал к старинному провансальскому дворянскому роду. Среди предков маркиза с отцовской стороны – Юг де Сад, ставший в 1327 году мужем Лауры ди Нови, чье имя обессмертил великий Петрарка. По линии матери, Мари-Элеоноры, урожденной де Майе де Карман, он был в родстве с младшей ветвью королевского дома Бурбонов. В романе «Алина и Валькур», герой которого наделен некоторыми автобиографическими чертами, де Сад набрасывает своего рода автопортрет: «Связанный материнскими узами со всем, что есть великого в королевстве, получив от отца все то изысканное, что может дать провинция Лангедок, увидев свет в Париже среди роскоши и изобилия, я, едва обретя способность размышлять, пришел к выводу, что природа и фортуна объединились лишь для того, чтобы осыпать меня своими дарами».

До четырех лет будущий писатель воспитывался в Париже вместе с малолетним принцем Луи-Жозефом де Бурбон, затем был отправлен в замок Соман и отдан на воспитание своему дяде, аббату д'Эбрей. Аббат принадлежал к просвещенным кругам общества, состоял в переписке с Вольтером, составил «Жизнеописание Франческо Петрарки». С 1750 по 1754 год де Сад обучался у иезуитов в коллеже Людовика Великого, по выходе из которого был отдан в офицерскую школу. В 17 лет молодой кавалерийский офицер принимал участие в последних сражениях Семилетней войны, а в 1763 году в чине капитана вышел в отставку и женился на дочери председателя налоговой палаты Парижа Рене-Пелажи де Монтрей. Брак этот был заключен на основе взаимовыгодных расчетов родителей обоих семейств. Сам де Сад не любил жену, ему гораздо больше нравилась ее младшая сестра Луиза. Будучи живее и способнее старшей сестры, она, возможно, сумела бы понять противоречивый характер маркиза.

Впрочем, роман их был лишь отсрочен на несколько лет: в 1772 году де Сад уехал в Италию вместе с Луизой.

Не найдя счастья в браке, Сад начал вести беспорядочную жизнь и через полгода в первый раз попал в тюрьму по обвинению в богохульстве. Рождение в 1764 году первенца не вернуло маркиза в лоно семьи, он продолжал свою свободную и бурную жизнь либертена. Либертенами де Сад именовал главных героев своих жестоких эротических романов, которых по-другому можно назвать просвещенными распутниками. С именем де Сада связывали различные скандалы, оскорбляющие общественную нравственность и мораль. Так, например, известно, что в 1768 году на Пасху Сад заманил в свой маленький домик в Аркейе девушку по

имени Роз Келлер и зверски избил ее. Девушке удалось сбежать, она подала на маркиза в суд. По указу короля де Сада заключили в замок Сомюр, а затем перевели в крепость Пьер-Энзис в Лионе. Дело Роз Келлер, точные обстоятельства которого теперь уже, вероятно, выяснить не удастся, явилось первым камнем, заложившим основу зловещей репутации маркиза.

Через полгода Сад вышел на свободу, но путь в Париж для него был закрыт. Ему предписали жить в своем замке Лакост на юге Франции. Сад сделал попытку вернуться в армию, однако служба его не устроила, и он продал свой офицерский патент.

В 1772 году против маркиза было возбуждено новое уголовное дело: он и его лакей обвинялись в том, что в одном из веселых домов Марселя принуждали девиц к совершению богохульных развратных действий, а затем опаивали их наркотическими снадобьями, что якобы привело к смерти нескольких из них.

Доказательств у обвинения было еще меньше, чем в деле Роз Келлер, не было и жертв отравления, однако парламент города Экса заочно приговорил маркиза и его слугу к смертной казни. Небезынтересно отметить, что свидетелем со стороны обвинения на этом процессе выступал Ретиф де ла Бретон, ставший к этому времени автором нескольких получивших известность романов, будущий знаменитый писатель, летописец революционного Парижа и автор «Анти-Жюстины», романа столь же фривольного, как и программные сочинения маркиза. Оба писателя крайне отрицательно отзывались о сочинениях друг друга.

Спасаясь от судебного преследования, де Сад вместе с сестрой жены бежал в Италию, чем навлек на себя неумолимую ярость тещи, мадам де Монтрей. Обвинив зятя в измене и инцесте, она добилась у короля Сардинии разрешения на его арест. Маркиз был арестован и помещен в замок Мьолан, неподалеку от Шамбери. По его собственным словам, именно здесь началась для него жизнь «профессионального» узника. Через год он бежал из крепости и скрылся в своем замке Лакост, где в течение пяти лет продолжал вести весьма бурную жизнь.

Возникавшие периодически скандалы удавалось замять. Де Сад совершил путешествие в Рим, Флоренцию, Неаполь, где собирал предметы искусства. Несмотря на запрет, он часто приезжал в Париж. В одном из писем этого периода де Сад сам именовал себя либертенем и решительно отвергал определения «преступник» и «убийца». Однако обвинение в убийстве продолжало висеть над ним. Когда же наконец оно было снято, де Сад снова попал в тюрьму, на этот раз на основании *lettre de cachet*, королевского указа о заключении в тюрьму без суда и следствия, полученного мадам де Монтрей. 14 января 1779 года, когда маркиз в очередной раз приехал в Париж, он был арестован и отправлен в Венсенский замок. В 1784 году его перевели в Бастилию, в камеру на втором этаже башни Свободы, где условия жизни узников были значительно хуже, чем в Венсенской крепости. Когда однажды де Саду было неожиданно отказано в прогулке, он с помощью железной трубы с воронкой на конце стал кричать из окна, что здесь, в тюрьме, «убивают узников», и, возможно, внес этим свою лепту в скорое разрушение Бастилии. На следующий день скандального узника по просьбе коменданта перевели в Шарантон, служивший в то время одновременно и тюрьмой, и приютом для умалишенных.

В Бастилии заключенный много читал, там же появились его первые литературные произведения: страстный антиклерикальный «Диалог между священником и умирающим» (1782), программное сочинение «120 дней Содомы» (1785), где изложены главные постулаты садистской философии, роман в письмах «Алина и Валькур» (1786–1788), единодушно называемый в одном ряду с такими выдающимися произведениями эпохи, как «Жак-фаталист» Дидро и «Опасные связи» Шодерло де Лакло. Интересно, что роман Лакло вместе с собранием сочинений Вольтера был в списках книг, доставленных узнику в Бастилию.

В 1787 году Сад написал поэму «Истина», посвятив ее философу-материалисту и атеисту Ламетри, а через год была начата повесть «Эжени де Франваль». Здесь же, в Бастилии, всего за две недели было создано еще одно знаменитое сочинение – «Жюстина, или Несчастья добродетели» (1787). По замыслу автора, оно должно было войти в состав предполагаемого сбор-

ника «Новеллы и фаблю XVIII века». Однако судьба «Жюстины» сложилась иначе. Увидев свет в 1791 году во второй редакции, отличающейся от первой только увеличением числа эпизодов, повествующих о несчастьях добродетельной Жюстины, в 1797 году роман, еще более увеличившийся в объеме – от 150 до 800 страниц, вышел уже под названием «Новая Жюстина, или Несчастья добродетели». Его сопровождало своего рода дополнение – история Жюльетты, сестры Жюстины. Жизнеописание Жюльетты, как следует из его названия «Жюльетта, или Преуспевания порока», – это вывернутый наизнанку рассказ о Жюстине: испытания, приносившие Жюстине лишь духовные и телесные страдания, стали для Жюльетты источником удовольствий и благополучия.

Первоначальный замысел «Рассказов и фаблю XVIII века» также не был осуществлен. Короткие повествования, созданные писателем в разное время, были объединены в два сборника. Первым стала книга из одиннадцати исторических и трагических новелл под названием «Преступления любви, или Безумства страстей» (1800) с предваряющей их статьей автора «Размышления о романах». Сборник под названием «Короткие истории, сказки и фаблю», объединивший в основном забавные истории, был издан лишь в 1926 году. Известно также, что в 1803–1804 годах де Сад собирался объединить два десятка трагических и веселых рассказов из этих сборников под названием «Французский Боккаччо», что указывало бы на следование автором вполне определенной литературной традиции. Но в ту пору это не удалось осуществить. Настоящее издание, представляя новеллы из обоих сборников, частично воплощает авторский замысел.

В апреле 1790 года, после принятия декрета об отмене *lettre de cachet*, де Сад был освобожден. К этому времени его жена юридически оформила их разрыв, и де Сад остался практически без средств к существованию. Имя его по злосчастной оплошности было занесено в список эмигрантов, что лишило его возможности воспользоваться оставшейся у него частью имущества. Де Сад устроился суфлером в версальском театре, где получал два су в день, которых едва хватало на хлеб. В это время он познакомился с Констанс Кене, ставшей ему верной спутницей до конца жизни. Маркиз постепенно возвращался к литературному труду, стремясь восстановить потерянную во время перевода из Бастилии в Шарантон рукопись «120 дней Содомы», представлявшую собой рулон бумаги длиной 20 метров. Заново изложить содержание утраченного романа Сад попытался в «Жюльетте, или Преуспеваниях порока», что привело к значительному увеличению объема сочинения.

Но свиток с рукописью романа все же сохранился; в 1900 году он был обнаружен немецким психиатром и сексопатологом Евгением Дюреном, который вскоре и опубликовал его, сопроводив собственным комментарием медицинского характера. Однако подлинно научное издание романа, подготовленное известным французским исследователем творчества де Сада Морисом Эном, вышло только в начале 1930-х годов.

На свободе гражданин Сад принял активное участие в революционных событиях. «Я обожаю короля, но ненавижу злоупотребления старого порядка», – писал маркиз де Сад. Не будучи в первых рядах творцов Революции, он тем не менее более года занимал значимые общественные посты и обращался к нации от имени народа. В 1792 году он нес службу в рядах национальной гвардии, участвовал в деятельности парижской секции Пик, лично занимался состоянием парижских больниц, добиваясь, чтобы у каждого больного была отдельная больничная койка. Составленное им «Размышление о способе принятия законов» было признано полезным и оригинальным, напечатано и разослано по всем секциям Парижа.

В 1793 году де Сад был избран председателем секции Пик. Поклявшись отомстить семейству де Монтрей, он тем не менее отказался внести эту фамилию в проскрипционные списки, спасая тем самым ее членов от преследований и, возможно, даже от гильотины. В сентябре того же года де Сад произнес пламенную речь, посвященную памяти народных мучеников Марата и Лепелетье. Выдержанная в духе революционной риторики, она призывала обрушить самые

суровые кары на головы убийц, предательски вонзающих нож в спину защитников народа. По постановлению секции речь была напечатана и разослана по всем департаментам и армиям революционной Франции, направлена в правительство – Национальный конвент. В соответствии с духом времени де Сад внес предложение о переименовании парижских улиц. Так, улица Сент-Оноре должна была стать улицей Конвента, улица Нев-де-Матюрен – улицей Катона, улица Сен-Никола – улицей Свободного Человека.

За три недели до нового ареста де Сад, возглавлявший депутацию своей секции, зачитывает в Конвенте «Петицию», в которой предлагается введение нового культа – культа Добродетелей, в честь которых следует «распевать гимны и воскурять благовония на алтарях». Насмешки над добродетелью, отрицание религии, существования Бога или какой-либо иной сверхъестественной организующей силы были отличительной чертой мировоззрения де Сада, поэтому подобный демарш воспринят многими исследователями его творчества как очередное свидетельство склонности писателя к черному юмору, примеров которого так много в его романах. Однако подобная гипотеза вызывает сомнения, ибо после принятия 17 сентября 1793 года «закона о подозрительных», направленного в первую очередь против бывших дворян, эмигрантов и их семей, де Сад, все еще числившийся в эмигрантских списках, не мог чувствовать себя полностью в безопасности и поэтому не стал бы только ради ехидной усмешки привлекать к себе пристальное внимание властей. Тем более что в обстановке начавшегося террора де Сад проявил себя решительным противником смертной казни, считая, что государство не имеет права распоряжаться жизнью своих граждан. С подобными взглядами его участие в революционных судебных процессах, происходивших в секции, было весьма сомнительным.

В результате в декабре 1793 года де Сада арестовали по обвинению в модерантизме и поместили в тюрьму Мадлонет. Затем его переводили из одной парижской тюрьмы в другую, и к лету 1794 года он оказался узником монастыря Пиклюс, превращенного в место содержания государственных преступников. Среди прочих заключенных там в это время находился и известный писатель Шодерло де Лакло. Неподалеку от монастыря, возле заставы дю Трон, стояла гильотина, и тела казненных хоронили в монастырском саду. Позднее, через год после освобождения, де Сад так описывал свои впечатления от тюрем революции: «Мой арест именем народа, неумолимо нависшая надо мной тень гильотины причинили мне больше зла, чем все бастилии, вместе взятые».

Приговоренного к смерти, его должны были гильотинировать вместе с двумя десятками других узников 8 термидора (26 июля). Счастливый случай спас де Сада: в неразберихе, царившей в переполненных тюрьмах, его просто потеряли. После переворота 9 термидора действие распоряжений якобинского правительства было приостановлено, и в октябре 1794 года по ходатайству депутата Ровера де Сад был освобожден.

В 1795–1800 годах во Франции и в Голландии вышли основные произведения де Сада: «Алина и Валькур, или Философический роман» (1795), «Философия в буддаре» (1795), «Новая Жюстина, или Несчастья добродетели» и «Жюльетта, или Преуспевания порока» (1797), «Преступления любви, или Безумства страстей» (1800). В 1800 году вышел в свет роман «Золоэ», в персонажах которого публика сразу узнала Наполеона Бонапарта, недавно ставшего первым консулом, его жену Жозефину и их окружение. Разразился скандал. Авторство памфлета приписали де Саду. Наполеон подобных насмешек не прощал, и вскоре де Сад как автор «безнравственных и аморальных сочинений» был заключен в тюрьму Сен-Пелажи. (В скобках заметим, что Аполлинер и доктор Кабанес действительно считали маркиза автором этого романа; однако последние исследования показывают, что они заблуждались.)

В 1803 году маркиз был признан душевнобольным и переведен в психиатрическую клинику в парижском пригороде Шарантон. Там де Сад провел все оставшиеся годы жизни и умер 2 декабря 1814 года в возрасте 75 лет. В своем завещании он просил не подвергать тело вскрытию и похоронить его в Мальмезоне, в принадлежавшем ему ранее имении. Исполнено было

только первое пожелание писателя, местом же упокоения стало кладбище в Шарантоне. По просьбе родственников могила де Сада осталась безымянной.

За годы, проведенные в Шарантоне, писателем был создан ряд исторических произведений, опубликованных в основном уже после его смерти: роман «Маркиза де Ганж», полностью использующий арсенал готического романа; сентиментальная история под названием «Аделаида Брауншвейгская», отличающаяся глубиной проработки исторического материала; роман «Изабелла Баварская, королева Франции». Там же, при покровительстве директора клиники, маркиз имел возможность реализовать обуревавшую его с юношеских лет страсть к театру. На спектакли, поставленные де Садом и исполняемые пациентами клиники, съезжался весь парижский свет. Обширное драматическое наследие де Сада, состоящее из пьес, сочинявшихся автором на протяжении всей жизни, еще ждет своих исследователей и постановщиков.

Творчество маркиза де Сада находится в сложном соотношении со всем комплексом идей, настроений и художественных течений XVIII века. Эпоха Просвещения дала миру не только безграничную веру в мудрость разума, но и безмерный скептицизм, не только концепцию естественного, не испорченного обществом человека, но и философию «естественного права», в рамки которой свободно укладывалось право сильного помыкать слабым. Своим романом «Опасные связи» Шодерло де Лакло заложил традиции описания порока «без прикрас» с целью отвратить от него читателя. У де Сада показ извращенного эротизма, растления и преступлений становится своего рода художественным средством, способом познания действительности. Либертены, программные героини де Сада, живут в смоделированном автором мире, где убийство, каннибализм, смерть есть естественный переход материи из одного состояния в другое. Для природы же все состояния материи хороши и естественны, а то, что не материя, – ложь и иллюзия. Следовательно, и заповеди христианской морали, проповедуемые церковью, ложны; нарушая их, человек лишь следует законам природы. В этом мире, где нет ни Бога, ни веры в человека, автор присутствует лишь в качестве наблюдателя.

В новеллах (повестях) и коротких историях, представленных в настоящем сборнике, де Сад выступает прямым наследником традиций европейской новеллистики. Нет сомнения, что при написании их он вспоминал не только о Боккаччо, чье имя даже хотел вынести в заглавие сборника, но и о Маргарите Наваррской и новеллистах прошлого, XVII века, когда короткие истории значительно потеснили толстый роман. Так, во Франции большим успехом пользовались любовные рассказы госпожи де Вильдье и исторические повести мадам де Лафайет, чье творчество де Сад в «Размышлениях о романах» оценивает очень высоко.

Действие ряда повестей разворачивается на широком историческом фоне. Например, в «Жюльетте и Ронэ» автор живописует положение Франции после мирного договора между французским королем Генрихом II и королем Испании Филиппом II, подписанного в 1559 году в Като-Камбрези. Маркиз не обходит стороной и сказочные феерии – к ним относятся «Родриго, или Заколдованная Башня», «Двойное испытание», где герой без колебаний нанимает целую армию актеров и строит роскошные декорации, дабы перенести возлюбленных своих в мир волшебных сказок и чудесных историй. Галантные празднества, описанные в этой новелле, напоминают пышные представления в Версале эпохи Людовика XIV, продолжавшиеся, хотя и с меньшим размахом, и во времена де Сада. Страсть маркиза к театру, сопровождавшая его на протяжении всей жизни, ярко проявляется здесь в описаниях поистине фантастических садов и хитроумных бутафорских трюков.

Многие персонажи де Сада вынуждены играть комедию или, напротив, трагедию, которой нередко заканчивается переодевание, или другое театральное действие, разыгранное перед взором героя. Долгое сокрытие истины также приводит к плачевным результатам.

Новеллы из сборника «Преступления любви», вошедшие в настоящее издание, – жестокие истории, но они жестоки прежде всего своими психологическими коллизиями, в них нет ни скабрзностей, ни описаний эротических оргий. Любовь становится в них всепоглощающей,

разрушительной страстью, уничтожающей все на своем пути, сжигающей в своем пламени и самих любовников. В отличие от программных произведений автора, здесь мучения причиняются не телу, а душе, и искусство де Сада проявляется не в фантазмагорическом описании сцен насилия, но в создании поистине непереносимых, жестоких ситуаций для своих героев. При этом, разумеется, предполагается, что последние обладают чувством чести и стремлением к добродетели, то есть качествами, вызывающими наибольшее отвращение у либертегов.

Современник готического романа, де Сад не чуждается романтических декораций, мрачных предзнаменований, нагнетания тревоги («Дорси»). Наследник традиций смешных и поучительных средневековых фавлю, писатель выводит на сцену любвеобильных монахов и обманутых ими мужей («Муж-священник», «Долг платежом красен»).

Но какова бы ни была пружина интриги, раскручивающая действие новеллы, механика развития сюжета почти всегда одинакова: зло выступает против добродетели, последняя торжествует, хотя зачастую ценой собственной гибели, зло же свершается, хотя и терпит поражение. Однако, по словам самого писателя, породить отвращение к преступлению можно, лишь живописуя его, возбудить же жалость к добродетели можно, лишь описав все несчастья ее. Заметим, что именно за чрезмерное увлечение в описании пороков, превратившееся, по сути, в самоцель, книги де Сада были осуждены уже его современниками.

Страсть к заговорам, проявившуюся в повестях, некоторые исследователи творчества писателя объясняют комплексом узника, присущим де Саду. Действительно, проведя взаперти не одно десятилетие, он постоянно ощущал себя жертвой интриг, о чем свидетельствуют его письма, отправленные из Венсенского замка и из Бастилии. В глазах заключенного любая мелочь, любая деталь становится значимой, подозрительной, ибо он не может проверить, что имеет под собой основу, а что нет. Поэтому линейное развитие действия новелл обычно завершается логической развязкой, как в классической трагедии или детективном романе. Но если в хорошем детективе читатель зачастую попадает в ловушку вместе с его героями и с ними же идет к познанию истины, у де Сада читатель раньше догадывается или узнает о причинах происходящего и, в отличие от героя, для которого раскрытие истины всегда неожиданно, предполагает развязку.

Рассказы де Сада дидактичны, что, впрочем, характерно для многих сочинений эпохи. Вне зависимости от содержания в них одним и тем же весьма выпяченным слогом прославляется добродетель и отталкивающими красками расписывается порок, а на этом своеобразном монотонном фоне кипят бурные страсти, описанные эмоционально и выразительно. И в этой стройности, четкости построения сюжета, в сдержанности изображения страстей проявляется мастерство автора, крупного писателя XVIII века. Существует мнение, что де Сад неискренен в своих рассказах, что его прославление добродетели есть не более чем маска, за которой на время спряталось разнузданное воображение автора, посмеивающегося над теми, кто поверил в его возмущение пороком. Но как бы то ни было, знакомство с новеллистикой писателя, ранее неизвестной нашему читателю, представляется увлекательным и небезынтересным.

Е. Морозова

Новеллы из сборника «Преступления любви, или Безумства страстей»

Графиня де Сансерр, или Соперница собственной дочери История, случившаяся при бургундском дворе

Свита мстительного и честолюбивого герцога Бургундии Карла Смелого, заклятого врага Людовика XI, состояла из рыцарей, съехавшихся почти из всех подчиненных герцогу земель. Собравшись под его знаменами на берегах Соммы, они, позабыв радости, ожидающие их на родине, были одержимы одной идеей: победить или достойно умереть за своего повелителя. Бургундские дворы погрузились в печаль, ибо некому стало блистать на некогда многолюдных турнирах в Дижоне и в Отене, а красавицы перестали прихорашиваться, ибо нравиться тоже стало некому – доблестные рыцари покинули их. Трепеща за жизнь милых их сердцу воинов, женщины поникли под бременем печали и тревог, позабыв о том, как прежде с восторгом и гордостью взирали они на смельчаков, являвших ради них свои ловкость и мужество.

Граф де Сансерр, один из лучших военачальников Карла, отбыл в армию за своим сувереном. Перед отъездом он просил жену приложить все силы для достойного воспитания их дочери Амелии и ни в чем не препятствовать нежной страсти, кою Амелия питала к владельцу замка Монревель, обожавшему ее с самого детства. Монревелю исполнилось двадцать четыре года, и скоро ему предстояло стать супругом Амелии. В связи с намечавшейся женитьбой Монревель, проделавший под началом герцога несколько кампаний, получил разрешение остаться в Бургундии. Любовь переполняла душу Монревеля, однако он со всем пылом юности вновь стремился на поле брани, дабы стяжать там воинскую славу. Красивый, любезный и отважный, Монревель умел и любить, и побеждать; ему благоволили и Грации, и Марс, так что чело его стремились увенчать венком своим и Беллона, и Амур.

Амелия, кою Монревель посвящал краткие часы досуга, похищенные им у Марса, была достойна его любви. Чье перо сумеет нарисовать портрет ее? Как описать легкий и гибкий стан, каждое движение которого исполнено невыразимого изящества, точеное и нежное лицо, каждая черточка которого дышит пленительным чувством? А сколько добродетелей украшали это небесное создание, едва вступившее в свою шестнадцатую весну! Чистота души, любовь к ближнему... дочерняя любовь... невозможно определить, чем более всего очаровывала Амелия.

И как могло случиться, что – к несчастью! – столь совершенная дочь вышла из чрева настолько жестокой матери, что ее с полным правом можно назвать кровожадной? Прекрасное как в юности, лицо графини де Сансерр, ее благородный и величественный облик скрывали душу завистливую, властную и мстительную, или, говоря иными словами, способную на преступления, совершаемые под влиянием самых низменных страстей.

Свободный нрав и страсть к любовным похождениям снискали графине при бургундском дворе печальную известность, чрезвычайно огорчавшую ее супруга.

Эта преступная мать с завистью наблюдала, как у нее на глазах расцветает красота дочери, и с горечью убеждалась в нежных чувствах Монревеля. Не имея возможности чинить препятствия обоим влюбленным, она решила запретить дочери сделать признание Монревелю и, вопреки желанию графа, взяла с нее обещание не выдавать своих чувств к тому, кого отец ее предназначил ей в супруги. Воспылав страстью к возлюбленному собственной дочери, коварная женщина утешала себя тем, что предмет ее вожделения пребывает в неведении о чувствах своей возлюбленной. Но, подавляя чувства Амелии, она – вольно или невольно – давала выход

собственным чувствам; взоры ее были столь красноречивы, что Монревель, пожелай он внять им, наверняка догадался бы о ее страсти... Но юный рыцарь не замечал обжигающих взглядов графини. Его любовь принадлежала Амелии, и остальных женщин он просто не замечал. Для графини же невнимание его казалось оскорбительным вдвойне.

Исполняя приказание супруга, графиня принимала молодого Монревеля в замке и каждый раз старалась сокрыть чувства дочери, выставив напоказ собственные. Амелия держалась сдержанно, но Монревель догадывался, что распоряжения графа де Сансерр не были ей неприятны, и надеялся, что появление иного претендента на ее руку вряд ли доставит ей удовольствие.

– Ах, Амелия, – вопрошал Монревель свою прекрасную повелительницу, когда им удалось избавиться от ревнивых взоров госпожи де Сансерр, – отчего вы молчите? Ведь не секрет, что нам суждено принадлежать друг другу! Так неужели вы не скажете мне, любезен ли вашему сердцу замысел отца вашего, или же, напротив, он вызывает у вас отвращение? Разве влюбленный, помышляющий лишь о том, как сделать вас счастливой, не вправе узнать, смеет ли он надеяться на ответное чувство?

Но Амелия лишь нежно смотрела на Монревеля, вздыхала и, трепеща, возвращалась к матери. Графине удалось убедить дочь, что любое слово, идущее из сердца, все погубит. Поэтому нежные чувства, владевшие сердцем Амелии, принуждали уста ее хранить молчание.

Однажды утром в замок де Сансерр прибыл гонец и сообщил о гибели графа под стенами Бове, случившейся в тот день, когда с города сняли осаду. Люсенэ, приближенный графа, заливаясь слезами, вручил графине письмо от герцога Бургундского. Герцог приносил извинения за краткость и сообщал, что, не имея возможности исправить случившееся несчастье, он велит графине без промедления заключить желанный ее супругом союз и выдать дочь замуж за Монревеля. А через две недели после свадьбы юному герою надлежало прибыть к герцогу, ибо после смерти графа герцог не мог более обходиться без своего отважного воина.

Графиня облачилась в траур, но о приказе Карла умолчала, ибо он полностью противоречил ее намерениям. Отослав Люсенэ, она еще раз строго наказала дочери скрывать свои чувства, так как теперь брачный союз сей не находил должной поддержки... в сущности, надежды на заключение брака не осталось вовсе.

Совершив погребение и избавившись от преград для своих пламенных чувств, коварная графиня решила остудить пылкую страсть юного сеньора к Амелии и зажечь ее к самой себе.

Перехватывая письма Монревеля, которые тот писал на войну герцогу Карлу, она с их помощью надеялась придумать способ уязвить его любовь и пробудить новые надежды. Женщина ловкая, она наконец решила посеять в душе молодого человека сомнения, а затем пробудить презрение, и чувства эти сделают то, что не смогла сделать ее любовь.

Убедившись, что ни одно письмо Монревеля не проходит мимо нее, графиня распространила клеветнический слух, что Карл Смелый, извещая ее о гибели мужа, посоветовал ей безотлагательно выдать дочь замуж за сеньора де Салена и даже велел вышеназванному Салену прибыть в Сансерр для заключения брака. Стараниями графини слух этот дошел до замка Монревель. Коварная женщина не преминула шепнуть юноше, что повеление сие весьма обрадовало Амелию, ибо та уже пять лет вздыхает о Салене. Вонзив кинжал в сердце Монревеля, она призвала к себе дочь и заявила, что разлучает ее с Монревелем; по словам графини, союз этот всегда претил ей, а потому она придумала достойный предлог, дабы разорвать его. Однако, желая дочери исключительно добра, она обещает ей, что в обмен на временную уступку она в дальнейшем позволит ей поступить как та пожелает.

С трудом сдерживая слезы, вызванные жестоким приказом, Амелия, позабыв о благогазумии, бросилась к ногам графини, умоляя не разлучать ее с Монревелем и исполнить желание горячо любимого отца, смерть коего она горестно оплакивает.

Но слезы красавицы нисколько не растрогали жестокосердную мать.

– Неужели, – вкрадчиво спросила графиня, желая досконально выведать все о чувствах дочери, – злосчастная страсть настолько захватила вас, что вы не в силах ею пожертвовать? А если бы ваш возлюбленный разделил участь вашего отца, если бы вам пришлось оплакивать также и его?..

– О сударыня, – воскликнула Амелия, – не усугубляйте мои страдания! Если бы Монревель погиб, я бы без промедления разделила его участь. Отец дорог мне не менее, и только надежда стать супругой отцовского избранника способна осушить мои слезы. Я живу ради будущего супруга, ради него одного преодолела отчаяние, в кое ввергло меня ужасное известие о смерти отца. Неужели вы хотите разбить мое сердце, швырнуть его в пучину отчаяния?

– Что ж, – ответила графиня, поняв, что насилие может возбудить подозрения дочери, которую ради исполнения ее коварного замысла следовало пока щадить, – раз вы не можете побороть себя, продолжайте притворяться и сообщите Монревелю, что любите Салена. Чтобы лучше узнать возлюбленного, необходимо пробудить в нем ревность. Если Монревель, раздосадованный, по собственной воле расстанется с вами, вы сами признаете, что, продолжив любить его, вы бы стали жертвой обмана.

– А если чувство его станет еще сильнее?

– Тогда я уступлю вам, ведь вы по праву занимаете главное место в моем сердце.

Успокоенная такими речами, нежная Амелия покрыла поцелуями руки предавшей ее матери. Графиня почитала дочь своим смертельным врагом и, изливая бальзам притворства на ее истерзанную душу, таила в груди ненависть и жаждала отомстить...

Согласившись выполнить требование матери, Амелия приготовилась испытать чувства Монревеля и сделать вид, что увлечена Саленом, условившись, однако, что, как только они обе убедятся в постоянстве чувств молодого сеньора, они прекращают испытание. Принимая условия дочери, госпожа де Сансерр через несколько дней встречается с Монревелем и во время беседы спрашивает, отчего он, не имея никаких оснований получить руку Амелии, продолжает оставаться в Бургундии, в то время как весь цвет бургундского рыцарства находится под знаменами Карла. С этими словами она дает ему прочесть последние строки письма Карла, где, как известно, говорится следующее:

«Вам надлежит отправить ко мне Монревеля, ибо состояние дел моих не позволяет мне более обходиться без этого храбреца».

Вероломная графиня позволяет юноше прочесть только эти строки.

– О сударыня, – в отчаянии восклицает Монревель, – неужели вы действительно решили лишить меня жизни? Неужели мне придется отказаться от сладостных мечтаний, дарующих неповторимое очарование всей моей жизни?

– Послушайте, Монревель, желание ваше сулит вам только несчастье. Разве ваша возлюбленная достойна вас? Если вам кажется, что Амелия подает вам надежды, не обольщайтесь и не впадайте в заблуждение: ее любовь к Салену проверена временем.

– Увы, сударыня, – вздохнул юный герой, пытаясь сдержать выступившие на глазах слезы, – признаюсь, мне не следовало слепо верить в любовь Амелии. Но я даже помыслить не мог, что она любит другого!..

Внезапно горе его сменяется отчаянием.

– Нет! – яростно восклицает он. – Нет, пусть она не думает, что сможет и дальше злоупотреблять моей доверчивостью! Я не потерплю подобные оскорбления; раз я не нравлюсь ей, значит мне нечего терять, и я волен отомстить ей... Я найду Салена, отыщу его даже на краю света, ибо я так сильно ненавижу его, что самое существование его является для меня оскорбительным. Либо соперник жизнью своей ответит за нанесенную мне обиду, либо я паду от его руки.

– Прекратите, Монревель, – воскликнула графиня, – перестаньте, благоразумие не позволяет мне внимать подобным речам. Если вы стремитесь погибнуть в бою, отправляйтесь к Карлу, тем более что вскоре придет Сален, а я не желаю, чтобы вы затеяли ссору у меня в доме... Хотя, на мой взгляд, – помолчав, неспешно молвит графиня, – если вы совладаете со своим чувством, вы будете для него совершенно неопасны... Ах, Монревель... почему бы вам не сделать иной выбор?.. У меня в замке вам ничто не угрожает, и я первая стану уговаривать вас остаться в нем подольше...

Обжигая прекрасного юношу пламенными взорами, она без промедления продолжала:

– Неужели в этих краях одна лишь Амелия имеет счастье вам понравиться? Как плохо вы разбираетесь в сердцах тех, кто окружает вас, если полагаете, что только ее сердце может оценить вас по достоинству! Отчего вы поверили, что в душе ребенка может зародиться серьезное чувство? Разве в ее возрасте умеют ценить, любить?.. Поверьте мне, Монревель, настоящая любовь – это привилегия сердец зрелых, имеющих определенный жизненный опыт. Разве оболыщение можно считать победой? И какова цена победы над тем, кто не умеет защищаться?.. Ах, истинная победа ожидает нас только в том случае, когда объект нападения нашего знает все уловки, позволяющие ему ускользнуть от нас, когда он борется с нами и уступает лишь тогда, когда сдается его сердце.

– Сударыня, – прервал графиню юный сеньор, догадавшись, куда она клонит, – мне неизвестно качества, коими необходимо обладать, дабы любить по-настоящему. Но я прекрасно знаю, что только Амелия наделена достоинствами, пробуждающими обожание мое, и я буду любить только ее, ибо в целом мире нет никого, кто мог бы сравниться с нею.

– Мне жаль вас, – презрительно отвечает госпожа де Сансерр. – Амелия не любит вас, а ваше упрямство вынуждает меня разлучить вас навсегда.

И она покидает Монревеля.

Невозможно описать состояние юноши, терзаемого страданием, мучимого тревогой, снедаемого ревностью и желанием отомстить одновременно. Не зная, какому чувству позволить забрать над собой власть, в конце концов он решает отправиться к Амелии и броситься к ее ногам...

– О, – восклицает он, заливаясь слезами, – обожаемая моя, неужели все, что я услышал, – правда?.. Неужели вы меня обманываете?.. Неужели другой сделает вас счастливой... отнимет у меня сокровище, за обладание которым я готов отдать весь мир, если бы тот принадлежал мне... Амелия... о, Амелия! ужель вы не верны мне? ужель Сален будет обладать вами?

– Монревель, мне жаль, что вам стал известен мой секрет, – отвечает Амелия. Опасаясь не исполнить приказ и вызвать гнев графини, она в то же время хочет узнать, действительно ли юный сеньор искренне любит ее. – Но даже если роковая тайна теперь вам известна, я не заслуживаю горьких ваших упреков, ибо никогда не подавала вам надежды, а посему вы не смеете обвинять меня в измене...

– Да, жестокосердая, это правда; ни единая искорка огня, опалившего мою душу, не проникла к вам в сердце. Я заподозрил вас, полагаясь на собственное чувство; однако разве можно изменить, если не любишь? Амелия, вы никогда не любили меня, а значит, жаловаться мне не на что. Вы не предавали меня, не губили мою любовь... вы всего лишь презрели ее... сделав меня несчастнейшим из людей.

– Не понимаю, Монревель, как можно, не будучи уверенным в ответном чувстве, испытывать столь пылкую страсть.

– Но разве нам не предстояло соединиться узами брака?

– Я согласна. Однако кто вам сказал, что план сей соответствовал моему желанию? Разве сердца наши всегда пребывают в согласии с намерениями наших родителей?

– Значит, я стал причиной вашего несчастья?

– Если бы дело дошло до брака, я бы открыла вам свою душу, и, уверена, вы бы не стали принуждать меня.

– О боже! Так вот каков мой приговор! Мне следует вас покинуть... удалиться, вы сами требуете этого!.. вы равнодушно терзаете мое сердце, в то время как оно жаждет всю жизнь обожать вас! Что ж, коварная, я уеду, отправлюсь к герцогу и на поле битвы найду надежный способ навсегда расстаться с вами: я погибну подле своего повелителя, снискав ему и себе воинскую славу.

С этими словами Монревель вышел, а печальная Амелия, скрепя сердце исполнившая приказ матери, разрыдалась; она была одна, и никто не мешал ей дать волю чувствам.

– Любимый мой, что подумал ты об Амелии! – восклицала она. – Какие чувства пробудятся в нем взамен любви? Сколь горько было мне слушать твои упреки, мною заслуженные! Я никогда не признавалась тебе в любви... но глаза мои все сказали тебе лучше всяких слов. Осмотрительность побуждает меня отложить признание, но я уповаю на тот миг, когда наконец заветные слова сорвутся с уст моих... О Монревель... Монревель! Какая мука для влюбленной не иметь возможности признаться в своей страсти тому, кто более всех ее достоин... как горько притворяться... и выдавать, подчиняясь приказу, свою страсть за равнодушие!

Пока Амелия пребывала в горестных раздумьях, явилась графиня.

– Я сделала все, что вы хотели, сударыня, – произнесла девушка. – Монревель страдает; что вам еще угодно?

– Мне угодно, чтобы вы продолжали притворяться, – сказала госпожа де Сансерр, – потому что я желаю знать, до какой степени Монревель вам предан... Послушайте, дочь моя, ваш поклонник никогда не видел своего соперника... У моей любимой служанки Клотильды есть родственник одних лет и одного роста с Саленом; я прикажу пригласить его в замок, и он выдаст себя за Салена, в которого вы якобы влюблены уже шесть лет. Его присутствие будет обставлено с надлежащей таинственностью, вы будете видеться с ним украдкой, словно мне об этом ничего не известно... У Монревеля зародятся подозрения... подозрения, кои я буду постоянно подпитывать, и по степени его отчаяния мы узнаем, сколь сильно он вас любит.

– К чему эти уловки, сударыня? – спросила Амелия. – Не стоит сомневаться в чувствах Монревеля, он только что предоставил мне самые убедительные тому доказательства, и я верю ему всей душой.

– Что ж, тогда мне придется сообщить вам, что в письме, полученном мною из армии, говорится, что Монревель не является образцом храброго и достойного рыцаря... Мне больно говорить вам об этом, но его отвага вымышленная, и я уверена, герцога также ввели в заблуждение, ибо факты трусливого его поведения налицо... многие видели, как в битве при Монлери он обратился в бегство...

– Это невозможно! – воскликнула мадемуазель де Сансерр. – Он не способен на трусость! Не верьте этому, вас обманывают: ведь именно он убил сенешаля де Брезе... Он – и бегство?... нет, если бы я даже увидела это собственными глазами... я бы не поверила... Нет, сударыня, ни за что. Из нашего замка уезжал он на битву; вы позволили ему поцеловать мне руку, и эта рука украсила бантом его шлем... Он сказал мне, что теперь он непобедим, ибо облик мой навечно запечатлен в его сердце, и он никогда не запятнает его поражением... нет, он не мог обратиться в бегство.

– Вы правы, – произнесла графиня, – поначалу молва действительно склонялась в его пользу; однако последующие известия не дошли до вас... Сенешаль Брезе погиб не от его руки; более двух десятков солдат видели бегство Монревеля... Поэтому не разумнее ли испытать его еще раз? Новое испытание ничем ему не грозит, в урочное время я прекращу его... А если Монревель окажется трусом, неужели ваше сердце будет принадлежать ему по-прежнему? Надеюсь, вы помните, что мною движет исключительно снисходительность, ведь я вправе ставить вам любые условия. Сегодня герцог противится вашему браку с Монревелем, он изменил

свое решение, и, если, несмотря на его протест, я готова пойти навстречу вашим желаниям, с вашей стороны было бы резонно уступить мне.

И графиня вышла, оставив дочь в тревоге и смятении.

– Неужели Монревель трус? – заливаясь слезами, повторяла Амелия. – Нет, я никогда этому не поверю... не может быть, он любит меня... Разве я не видела, каким опасностям он подвергал себя во время турнира, дабы заслужить один лишь мой взгляд! За этот взгляд он был готов сразиться со всеми соперниками сразу и победить их!.. Мой взор воодушевлял его, следовал за ним по равнинам Франции. Мой образ был с ним неразлучен, он помогал ему сражаться. Отвага моего возлюбленного столь же велика, как и его любовь ко мне, и обе эти добродетели в равной мере наличествуют в его благородной душе, не омраченной никаким низменным поступком... Увы! Мать желает продолжать испытание, и я обязана повиноваться ей... Я стану молчать, скрывать свою любовь от того, кто навеки похитил мое сердце... но никогда не стану подозревать его.

Прошло несколько дней; Амелия продолжала играть ненавистную ей роль, причинявшую ей жестокую боль, а графиня придумала дальнейший план действий. Она велела пригласить Монревеля, намекнув, что желает сообщить ему нечто важное, а посему им надобно встретиться наедине... Во время этой встречи она, избавившись от последних угрызений совести, решает во всем ему признаться, а в случае ежели юный воин ее отвергнет, она свершит задуманное зло.

– Рыцарь, – едва завидев Монревеля, обращается она к нему, – теперь, когда вы уверены и в презрении к вам моей дочери, и в торжестве своего соперника, скажите, отчего вы продолжаете оставаться в Сансерре, хотя повелитель ваш желает видеть вас подле себя? Признайтесь мне без всяких уверток – что удерживает вас здесь?.. Быть может, эта причина – та же самая, по которой желаю удержать вас здесь я?..

Молодой воин догадывался о любви к нему графини; однако он не только не говорил о своих подозрениях Амелии, но, в отчаянии, что стал предметом роковой страсти, боялся признаться в этом даже самому себе. Теперь сомнений более не оставалось: худшие предположения Монревеля оправдались.

– Сударыня, – покраснев, начал он, – вы знаете, какие цепи удерживают меня здесь, и если вы решитесь скрепить их, а не порвать вовсе, то я, без сомнения, стану счастливейшим из людей...

То ли из хитрости, то ли по причине гордыни госпожа де Сансерр отнесла его ответ на свой счет.

– Дорогой друг, – произнесла она, – цепи эти будут спаяны, когда вам будет угодно... Ах, они давно опутали мое сердце, и стоит вам только пожелать, как они соединят и наши руки... Не обремененная никакими узами, я хочу вновь утратить свою свободу, и вы прекрасно знаете, кому я желаю вручить ее...

При этих словах Монревель вздрогнул, а графиня, подмечавшая каждое его движение, подобно разъяренной фурии, обрушилась на него и в самых резких выражениях принялась упрекать в равнодушии, с коим он всегда взирал на огонь, пылавший ради него.

– Неблагодарный, как мог ты не замечать пламени, что разожгли твои глаза? как смел ты отвращать от него свой взор? – восклицала она. – С того самого дня, когда ты вступил в пору юности, я непрерывно проявляла чувства, коими ты столь опрометчиво пренебрегаешь! Разве хоть один рыцарь при дворе Карла мог бы утверждать, что он был мне более любезен, нежели ты? Я гордилась твоими успехами и страдала от твоих неудач; каждый полученный тобой лавровый венок рука моя украшала миртом. Была ли у тебя хотя бы одна мысль, которую я бы тотчас не разделила с тобой, вспыхнуло ли в тебе хотя бы одно чувство, которое не нашло бы отклика в моей душе? Меня везде встречали с почетом, вся Бургундия пребывала у моих ног, на меня устремляли восхищенные взоры поклонники... Повсюду мне курили фимиам, но

помыслы мои летели только к Монревелю, он один владел ими, ибо всех прочих я презирала... Коварный, я боготворила тебя, а твой взор постоянно отворачивался от меня... Обезумев, ты влюбился в ребенка, пожертвовал мною ради недостойной соперницы... Заставил меня ненавидеть собственную дочь... И хотя я видела, что все усилия твои тщетны, сердце мое терзалось от ревности... Но я не могла ненавидеть тебя... Теперь тебе не на что надеяться! Так пусть же разочарование приведет тебя ко мне, коли любви это не по силам!.. Твой соперник здесь, и, если я пожелаю, уже завтра он восторжествует над тобой, ибо дочь торопит меня. Неужели ты все еще уповаешь на чудо? Неужели безумие по-прежнему застилает взор твой?

– Сударыня, теперь я уповаю только на смерть, – ответил Монревель. – Мне горько, что я вызвал у вас чувства, кои не могу разделить, и страдаю, что не смог внушить эти чувства той единственной, кто навсегда завладела моим сердцем.

Госпожа де Сансерр смолкла: любовь, гордость, коварство и жажда мести переполняли ее одновременно. Будь на ее месте женщина честная и открытая, она бы непременно выплеснула свои чувства наружу; однако мстительная и двоедушная графиня предпочла путь притворства.

– Рыцарь, – сказала она, подавляя досаду, – впервые в жизни я получила отказ, однако меня он ничуть не удивил: я умею беспристрастно оценивать себя... я могла бы быть вашей матерью, рыцарь... Так что судите сами, могу ли я, обладая подобным недостатком, претендовать на вашу руку?.. Я не стану более препятствовать вам, Монревель, и уступаю счастливой сопернице честь приковать вас к себе узами брака; не имея возможности стать вашей женой, я навсегда останусь вашим другом. Полагаю, вы позволите мне сохранить за собой этот титул?

– О сударыня, слова эти свидетельствуют о благородстве вашего сердца, – воскликнул юноша, обманутый коварными речами. – Поверьте, – добавил он, бросаясь к ногам графини, – все лучшие чувства, которые только способно испытывать мое сердце, все, за исключением любви, навечно принадлежат вам. Во всем мире у меня не будет друга более верного, чем вы; вы станете для меня и защитницей, и матерью одновременно, и я буду служить вам все время, за исключением тех часов, кои страсть моя побуждает меня проводить у ног Амелии.

– Я польщена, Монревель: вы обещаете уделить мне крупицу счастья, – произнесла графиня, вставая с кресла. – Но когда любишь, тебе дороги любые знаки внимания любимого человека. Несомненно, более нежные чувства доставили бы мне большую радость, но с тех пор, когда я поняла, что мне не следует претендовать на них, я стану довольствоваться вашей дружбой, в искренности которой вы только что меня заверили, и, не желая оставаться в долгу, подарю вам свою... Послушайте, Монревель, я желаю немедленно доказать вам свое дружеское расположение: помните, я хочу, чтобы любовь ваша восторжествовала и вы бы навеки пребывали подле меня... Но ваш соперник уже здесь; такова воля Карла, и я не посмела ему перечить. Все, чем я могу помочь вам... пока Салену ничего не известно о ваших замыслах... это сделать так, что ему придется встречаться с моей дочерью тайно и под чужой личиной (впрочем, он явился в замок в чужом облике). А что вы намереваетесь делать?

– Я прислушаюсь к голосу своего сердца, сударыня. Единственная милость, о которой я осмеливаюсь молить вас, – дозвоьте мне отвоевать свою возлюбленную у соперника, как это подобает воину.

– На этом пути вы потерпите поражение, Монревель. Вы не знаете, с кем имеете дело, раз полагаете его способным на честные поступки. Постыдно уединившись у себя в глуши, Сален впервые в жизни покинул замок, чтобы жениться на моей дочери. Не знаю, отчего Карл сделал подобный выбор, однако он желает этого брака... и мы не можем возражать ему. Но повторяю вам: Сален, снискавший известность как трус и негодяй, без сомнения, не станет драться с вами... А если он проведает ваши замыслы, разгадает ваши намерения... Ах, Монревель, мне за вас страшно!.. Давайте поищем иной способ и не станем преждевременно выдавать наши планы... Дайте мне несколько дней на размышления, и я сообщу вам, что я намерена сделать. А пока оставайтесь в замке; я сама распушу слух о причинах, кои удерживают вас здесь.

Не подозревая, что его обманывают, Монревель, неспособный на притворство, вновь припал к стопам графини и, успокоенный, удалился.

Тем временем госпожа де Сансерр не мешкая распорядилась обо всем необходимым для своих коварных планов. Юный родственник Клотильды, тайно приведенный в замок в костюме пажа, в точности исполнил указания графини, и Монревель быстро обнаружил его присутствие. Одновременно с ним в доме появилось четверо новых лакеев, коих представили как слуг графа де Сансерра, вернувшихся в замок после гибели своего господина. Графиня шепнула Монревелю, что это люди из свиты Салена. Вскоре у рыцаря не стало никакой возможности видаться со своей возлюбленной: стоит ему появиться в ее покоях, как служанки отвечают, что она не принимает; едва он пытается приблизиться к ней в парке или в саду, как она скрывается от него; нередко видит он ее и в обществе соперника.

Испытание, выпавшее на долю Монревеля, причиняло его пылкой душе жестокие муки; отчаявшись и едва не обезумев, он наконец настиг Амелию в ту минуту, когда лже-Сален только что расстался с ней.

– Ах, жестокая, – с упреком воскликнул молодой рыцарь, не в силах долее сдерживать свои чувства, – вы презираете меня и более не находите нужным скрывать привязанность свою к другому? Вы стремитесь навеки разлучить нас! Теперь, когда мне удалось заслужить доверие вашей матушки и все, увы, зависит только от вас, вы подписываете мне смертный приговор.

Помня, что графиня пообещала сама обнадежить Монревеля, Амелия была уверена, что действия матери направлены на ускорение счастливой развязки столь ненавистного ей спектакля, и продолжала притворяться. Возлюбленному же она ответила, что, коли он желает избежать неприятных для него сцен, она советует ему отправиться на поля Марса, дабы с его помощью забыть о горестях, причиненных Амуром. Однако, несмотря на советы графини, Амелия не стала притворяться, что подозревает возлюбленного в недостатке храбрости: она слишком хорошо знала Монревеля, чтобы усомниться в его отваге. Любя его всем сердцем, она не позволила себе даже намекнуть, что она не верит в его смелость и желает получить доказательства.

– Что ж, решено: я покидаю вас! – воскликнул юноша, обнимая колени Амелии и орошая их слезами. – Вы нашли в себе силы распорядиться жизнью моей! И долг мой найти в себе силы исполнить ваше распоряжение. Пусть же сей счастливейший из смертных, коему я вас оставлю, по достоинству оценит мой дар! пусть он сделает вас счастливой, как вы того заслуживаете! Амелия, вы непременно расскажете мне о своем счастье: это единственная милость, о которой я вас прошу. Я узнаю, что вы счастливы, и страдания мои будут не столь горьки.

Последние слова его несказанно взволновали Амелию... Непрошенные слезы выдали подлинные ее чувства, и вот уже Монревель сжимает ее в своих объятиях.

– О, счастливый миг! – радостно восклицает он. – В этом сердце, кое я столь долго считал своим, пробудилось сострадание! О, милая моя Амелия! Значит, вы не любите Салена? Оплакивая Монревеля, вы не можете любить Салена! Амелия, скажите мне одно-единственное слово, и, сколь бы подл ни был негодяй, дерзнувший отнять вас у меня, я заставлю его биться со мной или же покараю его за то, что, будучи трусом, он осмелился уповать на вашу благосклонность.

Но Амелия уже взяла себя в руки. Страшась все потерять, она не посмела выйти из навязанной ей роли и испугалась даже на миг проявить истинные свои чувства.

– Я не стыжусь своих слез, рыцарь, – твердо заявила она, – но вы неправильно поняли их причину. Их вызвало сострадание к вам, но никак не любовь. Я привыкла видеть вас подле себя, и мне жаль потерять вас. Но я по-прежнему вижу в вас всего лишь друга, а не того, к кому питаю более нежные чувства.

– О, праведное Небо! – воскликнул Монревель. – Вы отняли у меня последнее утешение, смягчившее боль моего истерзанного сердца... Ах, Амелия, как вы жестоки! а ведь вся моя

вина состоит только в том, что я боготворю вас. Неужели эти сладостные для души моей слезы вызваны лишь жалостью? Неужели только на это чувство могу я надеяться?..

Тут уединение их было нарушено, и влюбленным пришлось расстаться: рыцарь погрузился в глубокое отчаяние, а Амелия удалилась с тяжелым сердцем, несколько не готовым к столь жестокому испытанию... девушка даже почувствовала некоторое облегчение из-за того, что мучительный разговор их был внезапно прерван.

Прошло еще несколько дней, коими графиня воспользовалась для завершения приготовлений к решающему сражению. И час пробил. Вечером, когда удрученный Монревель, в одиночестве и без оружия, возвращался из дальнего уголка сада, на него неожиданно набросились четверо и попытались убить его. Смелость не изменила ему, и он, презрев опасность, принялся отражать удары врагов... Но, будучи безоружным, вынужден был призвать на помощь и при содействии людей графини обратил противников в бегство. Узнав об опасности, которой подвергся Монревель, госпожа де Сансерр, злокозненная Сансерр, знающая лучше, чем кто-либо, чья рука нанесла сей удар, попросила юношу, прежде чем он удалится к себе, зайти в ее покои.

– Сударыня, – с порога заявляет молодой человек, – мне неизвестно, что за люди напали на меня... Но у меня даже в мыслях не было, что в ваших владениях могут напасть на безоружного рыцаря...

– Монревель, – отвечает графиня, видя, что рыцарь все еще пребывает во власти возбуждения, – не в моих силах полностью оградить вас от подобного рода опасностей, я могу только помочь вам защититься от них... Мои люди мгновенно прибежали на ваш зов: что еще я могу для вас сделать?.. Я предупреждала вас, что вы имеете дело с негодяем, бороться с коим честными способами является пустой тратой сил. Он не станет отвечать вам тем же, и жизнь ваша постоянно будет под угрозой. Разумеется, мне хотелось бы держать Салена подальше от замка, но я не могу отказать от дома тому, кого герцог Бургундский прочит мне в зятя, кто любит мою дочь и любим ею! Судите сами, рыцарь, ведь я страдаю не меньше вас и не меньше вас заинтересована в благополучном разрешении этой истории. Множество уз связывают наши с вами судьбы. Уверена: удар сей нанес Сален, он знает, почему вы здесь, когда все прочие рыцари сражаются под знаменами герцога. К сожалению, о вашей любви известно многим: нашлись нескромные люди... Сален хочет отомстить, но понимает, что избавиться от вас он может только посредством преступления. И он совершит его, а ежели преступный замысел его провалится, он предпримет следующую попытку... О, милый мой рыцарь, мне страшно... но еще более я боюсь за вас!

– Тогда, сударыня, – ответил Монревель, – велите ему прекратить бесполезное переодевание и дозвольте мне открыто бросить ему вызов: на него он не сможет не ответить... К чему этот маскарад, если Сален прибыл в замок по приказу нашего повелителя? если он любим той, чьей руки он добивается, и если вы, сударыня, покровительствуете ему?

– Клянусь честью, рыцарь, не ожидала я от вас подобного оскорбления... но забудем о нем, сейчас не время для оправданий. Имейте терпение, и я расскажу вам все, что рассеет ваши заблуждения и подтвердит, что я несколько не разделяю пристрастия своей дочери. Вы спрашиваете меня, почему Сален явился сюда переодетым? Я этого потребовала, ибо желала смягчить наносимый вам его приездом удар; теперь же, полагаю, он продолжает маскарад исключительно из трусости, ибо боится вас, завидует вам и нападает исподтишка... Вы желаете получить мое согласие на ваш с ним поединок? Ах, поверьте мне, Монревель, Сален не будет биться с вами, но, узнав о ваших намерениях, примет меры, и я не смогу поручиться за вашу жизнь. Поэтому орудие мести может быть вложено только в вашу руку, оно принадлежит только вам, и я стану презирать вас, если после той подлости, кою он только что совершил, вы не воспользуетесь им – ведь правда на вашей стороне. Когда имеешь дело с негодяем, нет нужды соблюдать законы чести! Как сможете вы прибегнуть к иным, нежели он, средствам, ежели очевидно, что он отклонит все достойные способы разрешения ссоры, кои вы ему предложите?

Так почему бы вам, мой рыцарь, не нанести удар первым? С каких пор жизнь подлеца стала столь ценной, что ее нельзя отнять без боя? Мы выходим на поединок с человеком чести, но того, кто предательски покушается на нашу жизнь, мы просто убиваем. Пусть поведение повелителя вашего послужит вам примером. Когда герцог Орлеанский бесчестно выступил против Карла Бургундского, тот не стал вызывать его на поединок, а просто приказал убить его, прибегнув к сему способу как к наиболее надежному. Отделавшись от мошенника, покусившегося на его жизнь, достойный и честный рыцарь нисколько не утратит ни чести своей, ни достоинства... Знайте, Монревель, я желаю во что бы то ни стало видеть вас супругом моей дочери. Не спрашивайте меня о чувстве, побуждающем меня удерживать вас возле себя... вопрос этот заставляет меня краснеть... а сердце мое еще не излечилось от ран... вы непременно должны стать моим зятем, рыцарь, и вы им станете... Я желаю видеть вас счастливым даже вопреки своему собственному счастью... После этих слов, друг мой, полагаю, вы не посмеете утверждать, что я поощряю Салена... Иначе я с полным правом буду считать вас несправедливым – ведь вы не сумели оценить мою доброту...

Растроганный Монревель бросается к ногам графини и просит простить его за дурные мысли о ней... Но убить Салена кажется ему преступлением, и он не может на него решиться...

– О сударыня, – восклицает он со слезами на глазах, – никогда эти руки не осмелятся вонзить кинжал в грудь своего ближнего! Ведь убийство – это самое тяжкое преступление...

– Нисколько, когда речь идет о нашей собственной жизни... Откуда столь неуместная для героя слабость? Скажите мне, разве вы идете в бой не убивать? А лавровые венки, которыми венчают вас после битвы, – разве они не являются платой за убийство? Вы убиваете врагов вашего повелителя, но боитесь заколоть кинжалом своего собственного врага! Но разве существует деспотический закон, по-разному оценивающий один и тот же поступок? Ах, Монревель, выбирайте: или мы бесповоротно признаем покушение на жизнь ближнего своего незаконным, или, напротив, признаем его справедливым, когда совершить его нас побуждают нанесенное нам оскорбление или месть... Впрочем, к чему мне убеждать вас? Трепещи, лелей свои слабость и малодушие, предавайся напрасным страхам перед несовершенным преступлением, расстанься с той, кого любишь, брось ее в объятия негодяя, похитившего ее у тебя, смотри, как Амелия, несчастная и соблазненная, отчаявшаяся и преданная, погружается в пучину горестей! Неужели ты не слышишь, как она призывает тебя на помощь, а ты, коварный, трусливо предпочитаешь обречь возлюбленную на вечные муки, нежели совершить поступок справедливый и необходимый вам обоим: отнять жизнь у вашего общего палача!

Заметив, как Монревель колеблется, графиня старается смягчить гнусность поступка, который она побуждает его совершить; внушая ему необходимость убийства, она в то же время убеждает его в невозможности и даже в опасности отказа от сего злодеяния. Одним словом, коли рыцарь не поторопится, жизнь его может прерваться, и вдобавок он рискует потерять возлюбленную, ибо в любой момент Сален может отнять ее: не располагая благоволением графини, он уверен в расположении к нему герцога Бургундского. Желая заполучить любимую девушку, он не станет стесняться в средствах, – к примеру, он вполне способен похитить ее, тем более что сама Амелия легко на это согласится. Речи двуличной графини настолько расстроили душу молодого рыцаря и смутили его разум, что тот во всем с ней согласился и поклялся заколоть кинжалом своего соперника.

Коварству графини поистине не было предела; дальнейшие события лишь подтверждают это.

Едва Монревель покинул покои графини, как мысли его тотчас приняли иное направление: его благородная натура противилась тайному убийству, и он решил ничего не предпринимать, пока не будут исчерпаны все честные способы борьбы с соперником. На следующий день он отправил лже-Салену вызов и получил вот какой ответ.

«Я не собираюсь драться за то, что уже принадлежит мне по праву; желание смерти – удел несчастного влюбленного, коим пренебрегла его избранница, а я люблю жизнь. Да и как мне не любить ее, когда каждый миг ее так дорог моей Амелии! Ежели вы, рыцарь, желаете биться, поспешите к Карлу – ему нужны герои. Поверьте, утехы Марса подходят вам больше, нежели оковы Венеры, тем более что первые приведут вас к славе, а вторые обойдутся вам слишком дорого. И запомните, я при этом ничем не рискую».

Прочитав сие дерзкое письмо, Монревель едва не задохнулся от гнева.

– Негодяй отказывается от поединка и при этом смеет мне угрожать! – воскликнул он. – Что ж, долой сомнения, я должен действовать, и действовать наверняка. Пришла пора позаботиться о предмете моей любви... Но боже милосердный!.. Что я говорю... А если она любит его... Пылает страстью к коварному сопернику... Лишив жизни Салена, сумею ли я завоевать сердце моей Амелии? Осмелюсь ли явиться к ней с руками, обгагреными кровью обожаемого ею возлюбленного?.. Сегодня она ко мне равнодушна... Но если я убью предмет ее страсти, она может меня возненавидеть.

Сомнения раздирали несчастного Монревеля. Однако спустя два часа после получения письма ему сообщили, что графиня ждет его у себя.

– Желая избежать ваших упреков, рыцарь, – начала она, как только Монревель появился на пороге, – я приняла меры, дабы знать все, что происходит вокруг. Вашей жизни снова грозит опасность; но теперь готовятся сразу два преступления: через час после заката четверо бандитов нападут на вас и, исполняя приказ, умертвят вас. В это же время Сален намеревается похитить мою дочь. Если я стану препятствовать его замыслу, он расправится и со мной, а потом сообщит герцогу о моем сопротивлении и, оправдываясь, обвинит нас обоих в сговоре. Так устраните же основную опасность и дозвольте шестерым моим людям сопровождать вас: они ждут у дверей... Когда же пробьет десять, оставьте их здесь, а сами идите в большой сводчатый зал, куда выходят двери покоев моей дочери. В урочное время Сален направится через этот зал в комнату Амелии... Она будет ждать его, дабы еще до полуночи вместе с ним покинуть замок. Тогда вы... вооружившись вот этим кинжалом... возьмите его, Монревель, я хочу, чтобы вы приняли его из моих рук... Вы отомстите за первое преступление и одновременно предупредите второе... Я вкладываю оружие в ваши руки, дабы вы покарали предмет своей ненависти, и возвращаю вас обожаемой вашей возлюбленной... Неужели вы по-прежнему будете упрекать меня в жестокости?.. Смотрите же, неблагодарный, как я плачу вам за ваше пренебрежение... Иди, спешి свершить свою месть, и наградой тебе станет рука Амелии...

– Дайте мне кинжал, сударыня, – взволнованно восклицает Монревель, не в силах долее противиться коварным уговорам, – дайте мне его, ибо ничто более не воспрепятствует мне уничтожить соперника и утолить свой гнев. Я предложил ему честный поединок, он отверг его, значит он трус, и ему суждена кончина труса... Дайте мне кинжал, я исполню ваше повеление.

Юноша вышел... Как только дверь за ним закрылась, графиня спешно послала за дочерью.

– Амелия, – промолвила она, – теперь мы уверены как в любви рыцаря, так и в его мужестве и доблести; не стоит далее испытывать его: я готова пойти навстречу вашим желаниям. К несчастью, герцог Бургундский предназначил вас Салену... и не позднее чем через неделю тот прибудет к нам в замок. Коли вы по-прежнему желаете принадлежать Монревелю, вам надо бежать. Возлюбленный ваш притворится, что похитил вас без моего согласия. Он станет отрицать, что ему известен новый план нашего герцога. Вы тайно обвенчаётесь с ним в Монревеле, а затем он без промедления помчится к герцогу и повинится перед ним. Возлюбленный ваш, понимая, сколь необходимо соблюсти все условия в точности, заверил меня в готовности исполнить их. Но я решила сообщить вам о них прежде, чем он сам вам откроется... Что вы на это скажете, дочь моя? В чем я теперь не права?

– Сударыня, все условия ваши будут исполнены, – с благоговейным трепетом произнесла Амелия, – и никто не узнает, что именно вы поставили их нам. Я припадаю к стопам вашим, дабы выразить вам всю силу моей благодарности за то, что вы делаете для меня.

– Не будем терять ни минуты, – ответила коварная графиня; слезы дочери не только не смягчили, но еще более ожесточили ее. – Монревелю все известно. Вам необходимо переодеться, иначе вас узнают: неблагоразумно позволить разгадать наш план прежде, чем вы окажетесь в замке своего возлюбленного; но еще более досадно было бы встретить Салена, ожидаемого со дня на день. Переоденьтесь в эту одежду, – продолжала графиня, передавая дочери платье лже-Салена, – и когда на башне пробьет десять, отправляйтесь к себе в покои. В условленный час к вам придет Монревель, во дворе вас будут ждать лошади, и вы с ним тотчас уедете.

– О, дорогая матушка! – воскликнула Амелия, бросаясь в объятия графини. – Вы даже представить не можете, сколь велико мое ликование... если бы вы только смогли...

– Нет, – запротестовала госпожа де Сансерр, высвобождаясь из объятий дочери, – не стоит меня благодарить: если счастливы вы, значит счастлива и я; а теперь займемся переодеванием.

Близится урочный час. Амелия берет принесенную ей одежду. Графиня сделала все, чтобы в одежде этой дочь ее как две капли воды походила на юного родственника Клотильды и Монревель принял бы ее за сеньора де Салена. Все продумано: юный рыцарь примет возлюбленную свою за Салена. Роковой час близок.

– Идите, дочь моя, – произносит графиня, – торопитесь, возлюбленный ждет вас...

Полагая, что внезапный отъезд помешает ей проститься с матерью, благородная Амелия в слезах бросается на грудь графини. Лицемерная женщина, скрывая свои ужасные планы за внешними проявлениями нежности, обнимает дочь, и притворные слезы ее смешиваются со слезами девушки.

Высвободившись из объятий матери, Амелия устремляется к себе в покои; она открывает дверь в злополучный зал, слабо освещенный мерцающим огоньком, где Монревель, с кинжалом в руках, поджидает соперника... Амелия не замечает его... А юный рыцарь, завидев человека, похожего на ненавистного врага, бросается вперед и не глядя наносит удар; противник падает на пол и остается лежать в луже собственной крови. Монревелю невдомек, что удар, нанесенный им, сразил драгоценное существо, ради которого он готов тысячу раз пожертвовать собственной жизнью.

– Глупец! – входя в зал с факелом в руках, восклицает графиня. – Наконец-то я отомстила тебе за твое пренебрежение. Взгляни, кто пал от твоей руки, и живи потом, если сможешь!

Амелия еще дышит; узнав Монревеля, она со стоном поворачивается к нему.

– О, милый друг мой, – говорит она ему, слабея от боли и потери крови, – чем заслужила я смерть от твоей руки?.. Разве такие узы сулила мне мать? Ступай, мне не в чем тебя упрекнуть: в эти последние минуты Небо поможет мне понять всю правду... прости меня, Монревель, за то, что я скрывала от тебя свою любовь. Ты обязан узнать, что побуждало меня поступать так; пусть мои последние слова убедят тебя хотя бы в том, что у тебя не было более верного друга, чем я... Что я любила тебя больше Господа, больше жизни, и, умирая, я продолжаю боготворить тебя...

Но Монревель ничего не слышит. Распростершись на полу подле окровавленного тела Амелии, он, прильнув устами к устам возлюбленной, пытается вернуть жизнь драгоценному созданию, вдохнув в него свою душу, переполненную любовью и отчаянием... Он то плачет, то богохульствует, то винит себя и проклинает гнусного вдохновителя страшного преступления... Наконец он поднимается.

– Коварная, чего надеялась ты достичь вероломным сим поступком? – гневно восклицает он, обращаясь к графине. – Неужели ты считала, что зло сие поможет тебе удовлетво-

речь свои недостойные желания? Что заставило тебя предположить, что Монревелю не хватит мужества уйти из жизни вместе со своей возлюбленной?.. Прочь... прочь с дороги! жестокость твоя может вынудить меня омыть кинжал в твоей крови...

– Что ж, ударь меня, – молвит графиня, и взор ее затуманивается, – ударь, вот моя грудь. После того как я утратила надежду завладеть тобой, я более не дорожу жизнью. Я хотела отомстить, избавиться от ненавистной соперницы, но теперь я понимаю, что усилия мои напрасны: я не в силах ни пережить свое преступление, ни преодолеть отчаяние. Пусть твоя рука отнимет у меня жизнь, пусть удар твой положит ей конец... Ну, чего ты медлишь?.. Трус! Тебе мало этого оскорбления?.. ты все еще сдерживаешь свою ярость? Давай же, запали факел мести в драгоценной крови, пролитой тобой по моей вине! Не щади ту, кого ты обязан ненавидеть, хотя она по-прежнему боготворит тебя.

– Чудовище! – восклицает Монревель. – Ты недостойна смерти... убив тебя, я не буду отомщен... Живи, дабы испытывать беспрестанные муки совести и каждый миг раскаиваться в содеянном. Пусть все узнают о твоих злодеяниях и с презрением отвернутся от тебя, пусть свет дневной рождает в тебе страх, пусть солнечные лучи напоминают тебе о твоём преступлении. И помни: твое коварство не сумело отнять у меня возлюбленную... Душа моя последует за ней к стопам Всевышнего, и там мы оба будем свидетельствовать против тебя.

С этими словами Монревель вонзает себе в сердце кинжал и, испустив дух, падает рядом с любимой и так крепко обнимает ее, что никто не в силах разъединить их...

Влюбленных похоронили в одном гробу, установленном впоследствии в главном соборе Сансерра; нынешние парочки часто приходят поплакать на их могиле и с умилением читают эпитафию, выбитую на мраморной плите, покрывающей саркофаг. Эпитафию эту сочинил король Людовик XII:

Плачьте, влюбленные; подобно вам, любили эти двое друг друга. Но не успел Гименей узами своими соединить их.
Крепка была их любовь,
Но месть погубила ее.

Графиня пережила преступление, виновницей коего она являлась, но оно не прошло для нее бесследно. Она раскаялась, обратилась к Богу и всю оставшуюся жизнь искренне оплакивала несчастных влюбленных. Умерла она спустя десять лет после описанных нами событий; к этому времени она успела принять постриг в обители, основанной ею в Осере.

Доржевиль, или Преступная добродетель

Доржевиль, сын богатого негоцианта из Ла-Рошели, порученный заботам преуспевающего дядюшки, совсем юным был отправлен в Америку; он уехал, когда ему не исполнилось еще и двенадцати лет. Доржевиль воспитывался при своем родственнике, готовя себя к торговому поприщу, кое он намеревался избрать...

Отличаясь благонравным поведением, молодой Доржевиль не обладал привлекательной внешностью, хотя никто и не полагал его уродливым. Однако, отказывая Доржевилю в праве на звание красивого мужчины, природа наделила его здравым умом, зачастую ценным выше таланта, душой чувствительной и утонченной, характером прямым, искренним и доброжелательным. Одним словом, всеми качествами человека честного и чувствительного Доржевиль обладал в избытке, и для *времени, нами описываемого*, этого более чем достаточно, чтобы с уверенностью сказать, что обладатель качеств сих будет несчастлив до конца дней своих.

Доржевилю едва исполнилось двадцать два года, как умер его дядя, оставив его во главе своего предприятия, которым Доржевиль руководил уже три года со всем доступным ему разумением. Но вскоре доброе сердце стало причиной его разорения: он поручился за нескольких друзей, чьи представления о чести разительно отличались от его собственных. Коварные скрылись, а Доржевиль пожелал честно соблюсти взятые на себя обязательства и разорился.

«Ужасно так жестоко обмануться в мои годы, – думал молодой человек, – но в печальной сей истории меня утешает уверенность в том, что я не способствовал несчастью других и никого не увлек вослед своему падению».

Однако судьба уготовила несчастья Доржевилю не только в Америке; не менее ужасные события ожидали его на родине. В одном из писем ему сообщают, что сестра Доржевиля, родившаяся через несколько лет после его отъезда в Новый Свет, обесчестила и погубила и его, и все его достояние. Эта развращенная девица по имени Виржини, достигшая восемнадцати лет и, к несчастью, прекрасная, как сама любовь, увлеклась молодым человеком, служившим клерком в торговом доме отца Доржевиля. Не сумев получить разрешения на замужество, она во исполнение своих желаний имела низость покуситься на жизнь отца и матери. К тому же, собравшись бежать, она попыталась унести с собой часть родительских денег. Кражу эту, к счастью, удалось предотвратить, а оба виновника, если судить по слухам, сумели уехать в Англию. В том же письме Доржевиля просили как можно скорее вернуться во Францию, дабы возглавить наследуемое им предприятие и с тем малым, что ему осталось, постараться возместить хотя бы причиненные убытки.

Доржевиль, в отчаянии от обрушившихся на него горестных и постыдных событий, немедленно прибывает в Ла-Рошель, где узнает новые подробности тех печальных обстоятельств, о коих ему сообщили ранее. Рассудив, что после стольких несчастий он не сможет более заниматься делами, он решает отойти от дел и одну часть оставшегося состояния употребляет на выполнение обязательств перед своими корреспондентами в Америке, что свидетельствует о его исключительной щепетильности, а другую тратит на покупку имения в Пуату, неподалеку от Фонтене, где он намерен спокойно провести остаток дней своих, исполненный любви и сострадания к ближнему, – эти две добродетели были особенно почитаемы его чувствительной натурой.

Осуществив сей замысел, Доржевиль, обосновавшись в своем маленьком поместье, облегчает страдания бедняков, утешает старцев, выдает замуж сирот, ободряет земледельцев и становится воистину добрым гением округа, где он проживает. Стоит туда забрести несчастному скитальцу, как двери дома Доржевиля тут же распахиваются ему навстречу; едва возникает потребность в добром поступке, как Доржевиль уже оспаривает у соседей честь его совершения. Словом, не проливалось ни одной слезы, которую бы он не стремился тотчас

же осушить. И, благословляя его имя, все от чистого сердца повторяли: «Воистину сама природа предназначила этого человека стать нашим утешением от дурных людей... И как жаль, что именно этим даром она столь редко удостаивает людей, предпочитая множить страдания, нежели их облегчать».

Все желали женить Доржевиля: отпрыски, ему подобные, несомненно, стали бы ценным приобретением для общества. Пребывая равнодушным к любовным чарам, Доржевиль дал понять, что, если ему доведется встретить девушку, коя из чувства признательности почла бы себя обязанною составить его счастье, в этом случае он связал бы себя узами брака. Ему предлагали множество партий, но он отверг их, ибо, по его словам, ни одна из представленных ему девиц не имела достаточно веских причин, дабы со временем искренне полюбить его.

– Я хочу, чтобы та, кто станет моей женой, была бы всем мне обязана, – говорил Доржевиль. – Не имея ни достаточного состояния, ни привлекательной внешности, что могло бы подкрепить ее привязанность ко мне, я хочу, чтобы ее соединило со мной неоплатное чувство благодарности, ибо только оно отвратит ее от желания покинуть меня или изменить мне.

Некоторые из друзей Доржевиля не соглашались с его рассуждениями.

– Как могут быть прочны узы брака вашего, – нередко вопрошали они его, – если душа той, кому вы собираетесь себя посвятить, не будет столь же возвышенна, как ваша? Благодарность не является цепью, она может удержать единственно вас. Есть души низкие, кои презирают ее; есть гордецы, коим она недоступна. Неужели ваш жизненный опыт не научил вас, Доржевиль, что, оказывая услугу, вы скорее наживаете себе врага, нежели приобретаете друга?

Сии доводы были небезосновательны. Несчастье Доржевиля состояло в том, что он всегда судил о других, исходя лишь из собственных благородных понятий. Привычка эта, до сих пор приносившая ему одни несчастья, по всей вероятности, сулила сделать его несчастным до конца дней его.

Так полагал, невзирая на последствия, сей добродетельный человек, чью историю мы рассказываем, пока судьба весьма странным способом не свела его с тем созданием, о котором он вообразил, что оно ниспослано ему свыше, дабы разделить его удел и стать бесценным сокровищем его души.

В то удивительное время года, когда природа, вступая в пору увядания, щедро осыпает нас своими дарами, ее безмерные заботы о нас в течение нескольких месяцев непрестанно множатся, и она в избытке оделяет нас всем, что позволяет нам спокойно дожидаться ее пробуждения и новых проявлений благосклонности. В эту пору селяне чаще всего собираются вместе на уборке винограда, отправляются на охоту или предаются иным мирным занятиям, столь дорогим сердцу того, кому мила сельская жизнь, и столь мало ценимым существами холодными и бездушными, чьи чувства притупились среди городской роскоши и иссушены развратом, теми, кто человеческие привязанности рассматривает как досадную помеху или способ удовлетворения собственного тщеславия. Искренность, чистота и приветливая сердечность, способствующие возникновению нежных уз, сохраняемы исключительно сельскими жителями, ибо лишь чистое небо способствует произрастанию невинности. Мрачные же испарения, отягощающие атмосферу больших городов, развращают сердца несчастных узников, приговоривших себя к пожизненному заключению в их пределах. Итак, в сентябре Доржевиль решил посетить одного соседа, того, кто радостно встретил его по приезде в деревню и чей характер, мягкий и чувствительный, был сходен с характером самого Доржевиля.

Герой наш сел на лошадь и в сопровождении слуги направился к замку своего друга, расположенному в пяти лье от его собственного дома. Проделав более половины пути, Доржевиль неожиданно услышал стоны, доносившиеся из-за тянувшейся вдоль дороги изгороди; он остановился, побуждаемый любопытством, быстро сменившимся естественным для него стремлением облегчить участь любого страждущего. Спешившись, он передал поводья слуге,

перескочил через канаву, отделявшую его от изгороди, обогнул ее и приблизился наконец к тому месту, откуда исходили привлекавшие его внимание жалобы.

– О сударь! – воскликнула необычайно красивая женщина, держа на руках ребенка, только что произведенного ею на свет. – Какое божество посылает вас на помощь этому злополучному младенцу?.. Перед вами, сударь, существо, доведенное до крайности, – продолжила женщина, рыдая и проливая потоки слез. – Сей жалкий плод бесчестья моего, моими стараниями только что увидевший свет, с их же помощью его и покинет.

– Прежде чем узнать, мадемуазель, причины, приведшие вас к таким ужасным мыслям, – произнес Доржевиль, – позвольте мне облегчить ваши страдания. В сотне шагов отсюда находится ферма. Давайте попробуем дойти до нее, и там, после оказания первой помощи, столь необходимой в вашем положении, я осмелюсь расспросить вас о тех бедах, кои, судя по всему, постигли вас во множестве. Даю слово, что единственной причиной моего любопытства явится желание быть вам полезным и нескромность моя не перейдет указанные вами пределы.

Сесиль рассыпается в благодарностях и соглашается; подходит слуга и берет у нее ребенка; Доржевиль сажает спасенных на свою лошадь, и все направляются на ферму. Хозяин ее, зажиточный крестьянин, по просьбе Доржевиля, устраивает с удобством и мать, и ребенка. Сесили стелют постель в доме, а сына кладут в колыбель рядом. Доржевиль же, сгорая от нетерпения узнать историю девушки и боясь потерять хотя бы крупницу из ее рассказа, посылает домой сказать, чтобы его не ждали: он решает ночь и весь следующий день провести на ферме, устроившись как придется. Так как Сесиль нуждается в отдыхе, он умоляет ее не переутомляться ради удовлетворения его любопытства. К вечеру в ее состоянии не наступает облегчения, и ему приходится ждать до следующего утра, чтобы наконец расспросить очаровательное создание, чем он может быть ему полезен.

Рассказ Сесили краток. Она сообщила, что является дочерью дворянина по имени Дюперье, чьи владения расположены в десяти лье отсюда. Она имела несчастье увлечься неким молодым офицером из Вермандуазского полка, расквартированного в ту пору в Ниоре, городе, что находится всего в нескольких лье от замка ее отца. Как только любовник узнал о ее беременности, он тут же бросил ее.

Самое ужасное, по словам Сесили, заключалось в том, что три недели спустя после своего исчезновения молодой человек был убит на дуэли, и она тем самым утратила не только честь, но и надежду когда-нибудь загладить свою вину. Она долго скрывала свое положение от родителей. Не имея более возможности их обманывать, она во всем призналась, результатом чего явилось их столь суровое с ней обращение, что она почла за лучшее бежать из дома. Несколько дней она бродила по окрестностям, не зная, куда податься, и не решаясь безвозвратно расстаться с родительским домом и близкими к нему местами. Когда начались схватки, она желала сначала убить рожденного ею ребенка, а затем себя. Именно в этот момент появился Доржевиль и удостоил ее своим попечением и заботами.

История, поведенная очаровательнейшим существом с самым невинным и внушающим доверие видом, немедленно преисполнила сочувствием сердце Доржевиля.

– Мадемуазель, – обратился он к несчастной красавице, – я счастлив, что Провидение привело вас ко мне: тем самым оно осчастливило меня дважды, ибо я не только узнал вас, но и имею возможность исправить причиненное вам зло, что доставляет мне особенную радость.

И сей любезный утешитель объявил Сесили, что он намерен поехать к ее родителям и помирить их с нею.

– Сударь, вам придется ехать одному, – ответила Сесиль, – ибо я, разумеется, не осмелюсь там появиться.

– Конечно, мадемуазель, сначала я поеду один, – ответил Доржевиль, – но я уверен, что возвращусь оттуда с дозволением привезти вас домой.

– О сударь, не рассчитывайте на это, ибо вы не представляете, как черствы эти люди. Их жестокость известна всем, их лицемерие так велико, что, даже если они лично станут уверять меня в своем прощении, я все равно им не поверю.

Тем не менее Сесиль согласилась с его решением и, видя, что Доржевиль собирается на следующее утро ехать в замок Дюперье, обратилась к нему с просьбой передать письмо человеку по имени Сен-Сюрен. Слуга ее отца, он своей безграничной преданностью заслужил ее доверие. Запечатанное письмо было вручено Доржевилю; передавая его, Сесиль умоляла не злоупотреблять ее доверчивостью и отдать письмо в том же виде, в каком он его получил.

Доржевиль чувствует себя оскорбленным: скромность его ставится под сомнение после всего им сделанного. Ему принесены тысячи извинений, он берется выполнить поручение и, возложив на крестьян заботы о Сесили, уезжает.

Доржевиль уверен, что письмо, переданное ему для вручения преданному слуге, расположит сего слугу в его пользу. Не будучи знакомым с господином Дюперье, он решает сначала отдать письмо и, познакомившись таким образом с его адресатом, просить представить его своему хозяину. Доверившись Сесили, он не сомневается, что письмо адресовано именно тому человеку, чью преданность она так расхваливала. Он передает письмо, и Сен-Сюрен, еще не дочитав его до конца, восклицает, не в силах сдержать охватившее его волнение:

– Невероятно! Так это вы, вы, сударь... Сам господин Доржевиль стал покровителем нашей несчастной хозяйки. Я сообщу о вашем прибытии ее родителям. Но предупреждаю вас, они сильно разгневаны. Сомневаюсь, чтобы вам удалось помирить их с дочерью.

Но как бы то ни было, сударь, – продолжил Сен-Сюрен, малый сообразительный и наделенный к тому же приятной внешностью, – ваш поступок делает вам честь, и я постараюсь содействовать скорейшему вашему успеху...

Сен-Сюрен поднимается в комнаты своих хозяев и возвращается через четверть часа.

Хозяева согласились принять господина Доржевиля, поскольку тот не счел за труд приехать издалека по такому ничтожному делу. Однако они не видят никакой возможности прийти к согласию в вопросе об отношении к гнусной девице, за которую он явился просить, ибо та бесчестным поступком заслужила свою участь.

Доржевиль упорствует. Его проводят в комнату, где его ожидают мужчина и женщина лет пятидесяти. Господин и госпожа Дюперье встречают его достойно, но с удивлением. Доржевиль еще раз вкратце излагает историю, приведшую его к ним в дом.

– Сударь, мы с женой бесповоротно решили никогда более не видеть ничтожное создание, опозорившее нас, – говорит отец. – Она может делать все, что ей заблагорассудится, мы же поручаем ее Небу, уповая, что в справедливости своей оно воздаст отмщение недостойной дочери...

Доржевиль попытался разубедить их в столь жестоком решении, употребив для этого самые возвышенные и самые изысканные слова. Видя, что разум их затуманен гневом, он воззвал к их чувствам... и столь же безрезультатно. А так как они вменяли в вину Сесили только то, в чем она сама признавала себя виновной, он сделал вывод об истинности ее рассказа.

Доржевиль напрасно доказывал, что слабость не является преступлением и что, если бы не смерть соблазнителя Сесили, их брак исправил бы совершенную ошибку. Усилия его не достигли цели. Наш посредник удаляется в расстроенных чувствах. Его просят остаться отобедать; он благодарит и дает понять, что отказ его вызван их неуступчивостью; его не удерживают, и он уходит.

Сен-Сюрен ожидал Доржевиля у выхода из замка.

– Вот видите, сударь, – с нескрываемым оживлением обращается к нему слуга, – я был прав, когда говорил, что ваши старания ни к чему не приведут. Вы не знаете людей, с кем только что имели дело. Сердца их высечены из камня, в них нет места человеколюбию. Если бы не почтительная привязанность к дороговому для меня существу, коему вы по доброй воле

стали покровителем и другом, я сам бы давно оставил их. Уверяю вас, сударь, – продолжал молодой человек, – что, потеряв сегодня надежду когда-либо снова послужить мадемуазель Дюперье, мне ничего не остается, как заняться поисками нового места.

Доржевиль успокаивает преданного слугу, советует ему не покидать своих хозяев и убеждает его, что о судьбе Сесили можно более не беспокоиться, ибо в тот час, когда семья ее столь жестоко от нее отказалась, он принял решение заменить ей отца.

Сен-Сюрен плачет и, обнимая колени Доржевиля, спрашивает, может ли он передать ответ на письмо, полученное от Сесили. Доржевиль любезно соглашается и возвращается к своей прекрасной подопечной, не имея, однако, возможности доставить ей обещанное им утешение.

– Увы, сударь, – говорит Сесиль, узнав о непреклонности своих родных, – этого следовало ожидать. Я не прошу себе, что, зная их характер, не отговорила вас от сего неприятного визита.

Слова ее сопровождались потоком слез, и добродетельный Доржевиль утирал их, заверяя Сесиль, что никогда ее не покинет.

Через несколько дней, когда очаровательная искательница приключений почувствовала себя лучше, Доржевиль предложил ей переехать к нему до окончательного ее выздоровления.

– О сударь, – кротко ответила Сесиль, – угрызения совести терзают меня, но я не в силах отвергнуть ваши заботы. Вы сделали для меня больше, чем следует, и, уже связанная с вами узами благодарности, я тем не менее соглашусь на все, чтобы умножить эти узы и сделать их для меня еще более драгоценными.

Они отправились к Доржевилю. Подъезжая к замку, мадемуазель Дюперье призналась своему благодетелю, что ей не хотелось бы никого извещать, где находится столь любезно предоставленное ей пристанище. Замок ее отца был расположен не менее чем в пятнадцати лье отсюда, а потому она опасалась, что ее могут узнать; она же боялась сурового наказания со стороны своих жестоких и злопамятных родителей... за единственный ее проступок... тяжкий (она этого не оспаривала), но который можно было бы предупредить, и уж точно не карать так строго тогда, когда уже ничего нельзя исправить. К тому же разве самому Доржевилю не полезнее скрыть от соседей свои заботы о несчастной девушке, изгнанной собственными родителями и обесчещенной в глазах общественного мнения?

Порядочность Доржевиля отвергла второй вывод, но первый его убедил. Он обещал Сесили, что разместит ее у себя согласно ее желанию и представит ее как свою кузину. А за пределами дома она будет встречаться лишь с теми, с кем сама пожелает. Сесиль принялась благодарить своего великодушного друга, и они доехали до места.

Пришло время сказать, что Доржевиль взирал на Сесиль с определенным интересом, к которому примешивалось чувство, доселе ему неизвестное. В душе, подобной душе Доржевиля, любовь пробуждается лишь тогда, когда душа эта преисполнена чувствительности или же умиротворена содеянным благодеянием. Мадемуазель Дюперье обладала всеми качествами, кои Доржевиль полагал необходимыми для женщины; прихотливые обстоятельства, требующиеся для завоевания сердца избранницы, также присутствовали в избытке. Доржевиль всегда говорил, что желал бы отдать руку и сердце женщине, связанной с ним чувством благодарности, ибо ему казалось, что только это чувство сделает их союз прочным. Но разве не нашел он сейчас именно такую женщину? И если движения души Сесили совпадают с его собственными, не должен ли он, с присущей ему прямоотой, предложить ей в утешение связать себя узами Гименея, дабы искупить ошибки любви? Возвращая честь мадемуазель Дюперье, Доржевилю предоставлялась возможность совершить добрый поступок, в высшей степени достойный его возвышенной души. Он был убежден, что таким образом помирит ее с родителями. А разве не отрадно вернуть несчастной женщине одновременно и честь, в коей ей теперь отказывают из-за самого варварского из предрассудков, и семейный очаг, что также отнят у нее с неслыханной жестокостью?

Исполнившись этим замыслом, Доржевиль просит у мадемуазель Дюперье дозволения еще раз переговорить с ее родителями. Сесиль не отговаривает, но и не ободряет его, давая понять всю бесплодность еще одной попытки, но предоставляя Доржевилю свободу делать все, что он пожелает. В конце концов она заявляет, что ее присутствие, видимо, стало ему в тягость и поэтому он столь страстно стремится вернуть ее в лоно семьи, испытывающей к ней, как он сам видит, только отвращение.

Доржевиль, обрадованный, что ответ ее побуждает его открыть свои истинные намерения, уверяет свою подопечную, что если он и желает примирить ее с родителями, то исключительно ради нее самой и во избежание кривотолков. Его же сострадание к ней неизменно, и он надеется, что хлопоты его не будут встречены неудовольствием. Мадемуазель Дюперье не оставляет без ответа его галантное обхождение, бросая на своего покровителя взгляды нежные и томные, говорящие не только о признательности.

Не слишком разбираясь в женском кокетстве, но решив во что бы то ни стало вернуть покой и честь покровительствуемой им девушке, Доржевиль через два месяца после первого визита к родителям Сесили полагает предпринять второй, дабы объявить им о своих намерениях. Он нисколько не сомневается, что подобное решение тотчас же раскроет их объятия единственной дочери, ибо той посчастливилось достойным образом исправить проступок, принудивший их безжалостно изгнать ее из родительского дома, о чем они, несомненно, глубоко сожалели в душе.

На этот раз Сесиль не передает Доржевилю письма для Сен-Сюрена, как в первую его поездку: причину этого нам предстоит скоро узнать. Доржевиль обращается к тому же самому слуге, чтобы тот доложил о нем господину Дюперье. Сен-Сюрен всячески выказывает Доржевилю свою почтительность, уважительно и с живым интересом расспрашивает его о Сесили. Узнав о причинах повторного его визита, он хвалит благородное решение, однако заявляет, что и вторая встреча вряд ли увенчается бо́льшим успехом, чем первая. Ничто не останавливает Доржевиля, и он отправляется к чете Дюперье. Доржевиль сообщает, что дочь их находится у него, что она и дитя ее окружены подобающими заботами, что он уверен в ее полном отказе от прошлых заблуждений, что она непрестанно терзается угрызениями совести и что подобное поведение ее, несомненно, заслуживает определенного снисхождения. Отец и мать так внимательно слушают Доржевиля, что ему кажется, что миссия его увенчается успехом. Однако заблуждается он недолго: ледяной тон отказа подтверждает, что он имеет дело с людьми бездушными, чья свирепая безжалостность скорее подобает дикому зверю, нежели человеческому существу.

Смущенный таким неоправданным жестокосердием, Доржевиль спрашивает господина и госпожу Дюперье, не имеют ли они иных причин для сурового обращения с дочерью, ибо ему положительно непонятно, как можно столь жестоко карать такую кроткую и покорную девушку, чей проступок искупается множеством иных добродетелей.

Господин Дюперье отвечает:

– Я вовсе не хочу порочить в ваших глазах ту, кто некогда была моей дочерью, а потом оказалась недостойной носить мое имя. Невзирая на все ваши обвинения в жестокости, я не изменю своего решения. Она лишилась чести, связавшись с негодяем, одна лишь мысль о котором должна была бы привести ее в трепет. В наших глазах проступок сей непростителен, и, будучи запятнанными ее поведением, мы приняли решение никогда более не видеть ее. Желая избежать нежелательных последствий, мы предупредили Сесиль о подстерегающих опасностях еще в начале ее увлечения этим негодяем, но предостережение наше не остановило ее. Она презрела наши увещания, не послушалась наших приказаний и, следовательно, по доброй воле устремилась в разверзшуюся у нее под ногами бездну, куда мы тщетно старались не допустить ее. Девушка, почитающая родителей, не ведет себя подобным образом; поощряемая

своим соблазнителем, она дерзко решила нами пренебречь. Отраднo, что теперь она раскаялась, но наше право – отказать ей в поддержке, кою она презрела, когда она в ней нуждалась.

Сударь, Сесиль совершила один недостойный поступок; за ним последует другой, ибо начало положено. Другьям нашим и родственникам известно о ее побеге из родительского дома, на который она навлекла позор своими безумствами. Так останемся же каждый там, где ему предназначено, и не принуждайте нас раскрыть объятия существу бездушному и недостойному, чье возвращение чревато для нас лишь новыми горестями.

– Ваши слова ужасны, – вскричал Доржевиль, задетый за живое столь упорным сопротивлением, – а ваши действия внушают отвращение, ибо вы решили покарать вашу дочь единственно за то, что сердце ее оказалось слишком чувствительным. Опасные сии заблуждения становятся причиной множества жестоких убийств. Безжалостные родители! Как вы не правы, полагая, что несчастная девушка, единожды уступив соблазну, навеки обесчещена. Благонравная и набожная, она не может быть преступною. Не судите ее строго, ибо даже в угаре страсти душа ее хранила уважение к добродетели. Из-за безрассудного упрямства не побуждайте к неблагоприятным поступкам ту, чья единственная вина состоит в следовании голосу природы.

Лишь из-за нелепости и противоречивости обычаев наших почитаем мы бесчестными тех, кто оступился в неведении, и сами толкаем их на стезю порока, ибо поношения со стороны близких мучат их сильнее, чем угрызения собственной совести. В этом случае, как и в тысяче других, жестокие слова ваши выдают неисправимое заблуждение. Нечаянные ошибки юности не ложатся клеймом на провинившихся, напротив, чтобы навсегда похоронить воспоминания о них, люди эти никогда более не заставят увлечь себя в пучину зла.

Отбросив предрассудки, скажите, в чем бесчестье для бедной девушки, поддавшейся пылкому чувству, столь для нее естественному, и произведшей на свет существо себе подобное? Какое злодеяние она совершила? В чем можно усмотреть здесь порочность души и извращенность ума? Разве не понимаете вы, что, когда от бедняжки все отворачиваются, первая ошибка неминуемо влечет за собой вторую? Какое непростительное предубеждение! Воспитание, преподносимое нами несчастным девушкам, изначально толкает их к падению, а когда оно свершается, мы же и стремимся заклеить их!

Жестокосердый отец! Не препятствуй склонности дочери, в родительском эгоизме своем не превращай дочь в игрушку собственной скупости и тщеславия! Одобрив ее выбор, вы станете ей добрым другом, и ей не придется преступать грань дозволенного, к чему побуждает ее ваш отказ. Иначе вы более виновны, чем она... Вы один клеймите ее чистый лоб клеймом позора... Она последовала зову сердца, вы же совершаете насилие; она подчинилась законам природы, вы же стремитесь их нарушить... Вы один заслуживаете позора и наказания, поскольку вы один виновны в ее дурном поступке, ибо лишь жестокое ваше обращение привело к тому, что зло восторжествовало над дарованными ей Небом скромностью и стыдливостью.

Итак, – продолжил Доржевиль с возрастающим пылом, – итак, сударь, если вы не желаете восстановить репутацию вашей дочери, то я сам позабочусь об этом. Вы безжалостно заявили, что отныне Сесиль для вас чужая, я же, сударь, говорю вам, что вижу в ней свою будущую супругу. Я разделю с ней тяжесть ее прегрешений, каковы бы они ни были, и признаю ее своей женой перед всей округой. В отличие от вас, сударь, я желаю соблюсти положенные приличия, и, хотя поведение ваше делает ваше согласие на наш брак необязательным, я все же хочу просить его у вас... Могу ли я быть уверен в нем?

Господин Дюперье не смог сдержать изумленного возгласа, прервавшего речь Доржевиля.

– Как, сударь! – обратился он к Доржевилю. – Неужели такой благородный человек, как вы, решил добровольно подвергнуть себя всем опасностям подобного союза?

– Всем, сударь! Проступки, свершенные вашей дочерью до того, как я узнал ее, по здравом размышлении не могут меня тревожить. Только человек несправедливый или одурманен-

ный предрассудками может обвинить девушку в том, что она была влюблена в другого, прежде чем она познакомилась с тем, кто станет ей мужем. Подобный образ мыслей, порождаемый непростительной гордыней, заставляет человека довольствоваться не тем, чем он обладает, но стремится забрать то, что принадлежать ему не может совершенно... Нет, сударь, эти возмутительные нелепости не имеют никакой власти надо мной. Я более уверен в добродетели женщины, познавшей зло и раскаявшейся в нем, нежели в добродетели женщины, которой совершенно не в чем себя упрекнуть в своей добрачной жизни. Первая видела бездну и постарается избежать нового в нее падения, вторая же, думая, что путь в пропасть усеян розами, смело в нее бросается. Итак, сударь, я жду лишь вашего согласия.

– Дать вам согласие более не в моей власти, – сурово ответил господин Дюперье. – Отказавшись от Сесили, мы изгнали и прокляли ее и посему не считаем себя вправе располагать ее рукой. Для нас она просто посторонняя девица, которую случай свел с вами... которая достигла надлежащего возраста и посему свободна и в своих поступках, и от нашей опеки... Отсюда следует, сударь, что вы можете делать все, что сочтете нужным.

– Как, сударь! Вы не простите госпоже Доржевиль проступки мадемуазель Дюперье?

– Мы прощаем госпоже Доржевиль распутство Сесили; но та, кто носит одну из этих фамилий, слишком долго пренебрегала своей семьей... И какую бы из этих фамилий она ни избрала, чтобы возвратиться к родителям, они не примут ее ни под одной, ни под другой.

– Знайте, сударь, теперь вы оскорбляете меня. Ваше поведение в подобной ситуации просто смешно.

– Думайте что хотите, сударь. А нам лучше всего расстаться. Становитесь, коли вам угодно, супругом непотребной девки, мы не вправе вам мешать. Но не изобретайте более способов заставить нас раскрыть двери этого дома ей навстречу, двери дома, обитателей которого она покинула в горестях и стенаниях... и навлекла на них позор...

В ярости Доржевиль встает и молча уходит.

– Я раздавил бы этого свирепого тирана, – говорит он Сен-Сюрену, подающему ему лошадь, – если б только меня не удерживали соображения человечности и если бы я не собирался жениться на его дочери.

– Вы женитесь на Сесили? – удивленно спрашивает Сен-Сюрен.

– Да, завтра я хочу вернуть ей честь и утешить ее в несчастьях.

– О сударь, как вы великодушны! Вы хотите смягчить жестокий отказ этих людей, вернуть к жизни самую добродетельную, хотя и самую несчастную на свете девушку. Вы покроете себя бессмертной славой в глазах всего края...

Доржевиль галопом поскакал домой.

Возвратившись к своей подопечной, он в подробностях рассказывает ей об ужасном приеме, ему оказанном, и заверяет ее, что если бы она не была дочерью Дюперье, то он бы сумел заставить его раскаяться в столь недостойном поведении. Сесиль благодарит Доржевилья за проявленное благоразумие; но когда он, возобновив свою речь, сообщает, что, несмотря ни на что, решил через день с ней обвенчаться, она не может скрыть испуга. Она хочет что-то сказать... слова никак не слетают с губ... Она пытается скрыть смущение... но лишь увеличивает его...

– Мне, – произносит она в невероятной растерянности, – мне – стать вашей женой!.. Ах, сударь... Ваша жертва слишком велика для бедной девушки... Я недостойна ваших хлопот.

– Напротив, мадемуазель, – живо возразил Доржевиль, – вы наказаны за вашу провинность, и, как мне кажется, чересчур сурово. Ваше раскаяние искупило ее, а тот, кто явился ее причиной, покинул этот мир и, следовательно, не сможет повлиять на вашу жизнь. Вам остается похоронить воспоминание о содеянном в своем сердце, использовав тот злополучный жизненный опыт, что дается нам путем собственных ошибок, но себе во благо... Да будет вам известно, что проступок подобного рода нисколько не унижает вас в моих глазах. Если вы

сочтете меня достойным его исправить, я осмелюсь предложить вам, мадемуазель... свою руку, свой дом... свое состояние – словом, всем, чем я располагаю, я готов служить вам... Решайте!

– О сударь! – воскликнула Сесиль. – Простите волнение, переполняющее меня до краев, но разве могла я рассчитывать на подобную доброту вашу после того, как мои родители столь сурово обошлись со мной? И неужели вы считаете меня способной воспользоваться ею?

– Я совершенно не одобряю суровости ваших родителей и не считаю легкомыслие преступлением. Вы достаточно оплакали свою вину: я хочу вернуть вам покой, предложив вам стать моей женой.

Мадемуазель Дюперье падает к ногам своего благодетеля, задыхаясь от переполняющих душу чувств, с губ ее срываются лишь обрывочные слова благодарности. Немного успокоившись, она, не прекращая благодарить Доржевилья, признается ему в любви, и тот решает, что завоевал ее сердце. Так что менее чем через неделю они сочетаются браком, и девушка становится госпожой Доржевиль.

Однако молодая супруга продолжает вести уединенный образ жизни, объяснив супругу, что, поскольку ей не удалось примириться со своей семьей, ей не подобает широко появляться в обществе. Расстроенное здоровье также служит ей предлогом для уединения, и Доржевиль ограничивается тем, что представляет ее всего лишь нескольким соседям, посетившим его. В это же время Сесиль употребляет все свои чары, чтобы убедить мужа уехать из Пуату: она уверяет его, что при нынешнем положении вещей ни он, ни она не смогут жить здесь прежней достойной жизнью и лучше им уехать в какую-нибудь отдаленную провинцию, где она, супруга Доржевилья, будет ограждена от докучности и оскорблений, выпавших здесь на ее долю.

Доржевиль одобряет это решение. В письме к другу, проживающему возле Амьена, он просит присмотреть для него в тех краях небольшое имение, где бы он смог провести остаток своих дней вместе с милой молодой особой, на которой он недавно женился и которая, поссорившись с родителями, не может более находиться в Пуату, где ее преследуют горестные воспоминания.

Пока они ожидали ответа, в замок приехал Сен-Сюрен. Прежде чем предстать перед своей бывшей хозяйкой, он просит разрешения поговорить с Доржевилем; последний оказывает ему радушный прием. Сен-Сюрен рассказывает, что горячее участие, принятое им в делах Сесили, стоило ему места и он явился сюда, дабы засвидетельствовать свое почтение и проститься, ибо он решил отправиться искать счастья в других краях.

– Вам не следует уезжать отсюда, – взволнованно говорит Доржевиль, исполнившись к нему сочувствия.

Зная, что помощь, оказанная этому человеку, доставит удовольствие жене, он заявляет:

– Нет, мы вас ни за что не отпустим.

И Доржевиль, полагая, что делает приятный сюрприз своей обожаемой супруге, представляет ей Сен-Сюрена как управляющего их домом. Госпожа Доржевиль, растрогавшись до слез, целует мужа и осыпает его тысячью благодарностей за столь внимательное к ней отношение, ибо она всегда была привязана к этому верному и преданному слуге. Некоторое время беседа их касается господина и госпожи Дюперье. Сен-Сюрен сообщает, что они остались столь же непреклонны, как и во время встречи с Доржевилем, и рассказ его лишь подкрепляет решение о необходимости скорейшего отъезда.

Из Амьена пришли хорошие новости. Молодой чете подыскали подходящее жилище, и супруги уже собирались туда отбыть, как произошло событие, менее всего ожидаемое и от этого еще более ужасное. Оно раскрыло глаза Доржевилью, развеяло навеки его безмятежность и разоблачило наконец бесчестное создание, безнаказанно дурачившее его в течение шести месяцев.

В замке царило спокойствие и довольство. Завершив скромную трапезу, Доржевиль и его супруга в гостиной наслаждались отдыхом, безмятежным и отрадным для Доржевилья, но

не для его жены, ибо порочное существо не способно понять тихие радости бытия. Счастье не может сопутствовать преступлению. В случае нужды человек порочный может прикинуться блаженным и безмятежным праведником, однако радости это притворство ему не доставит.

Неожиданно раздается страшный шум, с грохотом распахиваются двери: Сен-Сюрен, закованный в кандалы, появляется на пороге, окруженный отрядом местной гвардии. От отряда отделяется человек в гражданском платье и, увлекая за собой четырех солдат, кидается на бросившуюся бежать Сесиль, задерживает ее и, не обращая внимания ни на ее вопли, ни на возмущение Доржевиля, собирается тотчас ее увести.

– Сударь... сударь! – восклицает Доржевиль, заливаясь слезами. – Во имя Неба, выслушайте меня... В чем виновна эта женщина и куда вы ее ведете? Да будет вам известно, что это моя жена и вы находитесь в моем доме.

– Сударь, – кротко отвечает чиновник, убедившись, что добыча от него не ускользнет, – огромное ваше несчастье состоит в том, что вы, человек честный и порядочный, женились на этом создании. Но даже звание жены вашей, столь гнусно и бесстыдно ею узурпированное, не спасет ее от заслуженного приговора... Вы хотите знать, куда я ее повезу? В Пуатье, сударь, где, согласно приговору, вынесенному ей парижским судом и которого ей благодаря своей изворотливости до сих пор удавалось избегать, завтра она будет сожжена заживо вместе со своим недостойным любовником, коего вы также видите перед собой, – заключил чиновник, указывая на Сен-Сюрена.

При этих ужасных словах силы покидают Доржевиля: он падает без сознания, и судейский чиновник, видя, что узники его под надежной охраной, сам бросается на помощь несчастному супругу. Наконец Доржевиль приходит в себя...

Что же до Сесили, то она в это время сидела на стуле под охраной солдат в той же самой гостиной, где еще час назад чувствовала себя хозяйкой... Сен-Сюрен, также под охраной, сидел в двух шагах от нее. Последний проявлял признаки беспокойства, неомраченное же чело Сесили свидетельствовало о полнейшем ее равнодушии к происходящему. Ничто не могло смутить спокойствия этой порочной души: погрязшая в преступлениях, она без страха ожидала своей участи.

– Благодарите Небо, сударь, за сегодняшние события, – обратилась Сесиль к Доржевилю, – ибо они спасли вам жизнь. Иначе на следующий день после нашего прибытия на новое место, где вы предполагали устроиться, вам в пищу был бы подмешан этот порошок и через шесть часов вы бы испустили дух.

С этими словами она вынула из кармана пакетик и швырнула его на пол.

– Сударь, – обратилась преступница к судейскому чиновнику, – вы видите, я целиком в вашей власти, и вам легко исполнить мою просьбу: я хотела бы ненадолго задержаться в этом доме, дабы разъяснить Доржевилю некоторые, вероятно, интересующие его обстоятельства... Да, сударь, – продолжила она, обращаясь к мужу, – именно вы более других скомпрометировали себя в этой истории. Попросите, чтобы мне разрешили побеседовать с вами, прежде чем меня уведут, и тогда я расскажу удивительные для вас вещи. Выслушайте их до конца, и да не перейдет несомненное ваше отвращение ко мне в ненависть. Ужасное повествование мое покажет вам, что если я самая негодная и преступная среди женщин... то это чудовище, – указала она на Сен-Сюрена, – без сомнения, является самым гнусным среди мужчин.

Час был не поздний, и чиновник согласился подождать, пока пленница его поведаст свою историю. Возможно, он и сам был расположен ее выслушать, ибо, осведомленный о преступлениях арестованной, он ничего не знал об отношениях ее с Доржевилем. Двое солдат остались в гостиной с заключенными и чиновником, остальные удалились, двери закрыли, и мнимая Сесиль Дюперье начала свой рассказ следующими словами:

– Доржевиль, вы видите перед собой создание, сотворенное Небом, чтобы мучить вас до скончания дней ваших и опозорить дом ваш. Будучи в Америке, вы узнали, что спустя

несколько лет после вашего отъезда из Франции у вас появилась сестра. Еще через несколько лет вы узнали, что сестра эта, дабы насладиться любовью обожаемого ею человека, подняла руку на тех, кто дал ей жизнь, и, спасаясь от правосудия, бежала со своим любовником... Вглядитесь же, Доржевиль, и вы узнаете преступную сестру в вашей несчастной супруге и любовника ее в Сен-Сюрене... Теперь вы убедились, что преступления не отягощают мою совесть и я приумножаю их, когда выпадает случай. А теперь узнайте, как мне удалось обмануть вас, Доржевиль...

Успокойтесь, – произнесла она, видя, как несчастный брат ее в ужасе от нее отшатнулся и готов лишиться чувств. – Придите в себя, брат мой: это мне следует содрогаться... но вы же видите, я спокойна. Наверное, я не была рождена для преступления, коварные советы Сен-Сюрена заронили семена его в мое сердце... Это ему вы обязаны гибелью наших родителей: он посоветовал мне убить их, он снабдил меня всем необходимым для совершения преступления, он же дал мне яд, который должен был прекратить и ваши дни.

Когда наше первое предприятие удалось, нас стали подозревать; пришлось бежать, не сумев забрать ожидаемых нами денег. Скоро обнаружили доказательства нашей вины; прошел суд, издали постановление об аресте. Мы бежали... но, к несчастью, недостаточно далеко. Мы распустили слух, что скрылись в Англии, и нам поверили, а мы самонадеянно решили, что нет надобности ехать дальше. Сен-Сюрен поступил в услужение к господину Дюперье; на время ему пришлось забыть о своих талантах. Меня он спрятал в деревне по соседству с владениями этого достойного человека, там он тайно навещал меня; о моем убежище знала лишь женщина, давшая мне приют.

Сей образ жизни мне скоро наскучил, бездействие угнетало меня; честолюбие часто приуще преступникам. Спросите тех, кому удалось незаслуженно выдвинуться, и вы увидите, что выдвигению этому зачастую сопутствовало преступление.

Сен-Сюрен охотно согласился пуститься на поиски новых приключений, но я оказалась беременна, и мне сначала следовало освободиться от этой обузы. На время родов Сен-Сюрен хотел отправить меня в деревню, удаленную от владений своих господ, к одной женщине, дружившей с моей хозяйкой. Для сохранения тайны мы решили, что я отправлюсь к ней одна. Когда вы меня повстречали, я как раз направлялась туда; схватки начались раньше, чем я достигла жилища этой женщины, и под деревом я самостоятельно разрешилась от бремени... Там меня охватило отчаяние, я вспомнила, кем была ранее. Родившаяся в достатке, имевшая возможность претендовать на самую лучшую партию в нашем крае, я решила убить несчастный плод моего разврата, а затем заколоть себя кинжалом.

Появились вы, брат мой; вы приняли участие в моей судьбе. Меня же охватил соблазн новых преступлений: я решила обмануть вас, дабы подогреть интерес, проявленный вами к моей особе. Из родительского дома недавно бежала Сесиль Дюперье; ее преступная связь с любовником поставила ее в равное со мной положение, и она хотела избежать позора. Прекрасно осведомленная обо всех подробностях ее истории, я решила сыграть роль этой девушки. Я твердо знала: во-первых, она не вернется, и, во-вторых, родители ее, даже если она бросится к ним в ноги, никогда не простят ее заблуждения. И я сочинила собственную историю. Вы согласились доставить письмо, где я сообщала Сен-Сюрени о своей достойной изумления встрече с братом, коего я никогда бы не узнала, если бы он сам мне не представился. Потом же я возымела дерзкую надежду, не возбуждая в вас подозрений, заставить вас способствовать восстановлению нашего состояния.

Сен-Сюрен передал мне через вас ответ, и с тех пор мы не прекращали переписываться и даже виделись тайно несколько раз. Вы помните неудачи у семейства Дюперье; я не противилась вашим демаршам, ибо была уверена в провале и, познакомив вас с Сен-Сюреном, не сомневалась, что изворотливость моего любовника найдет способ заставить вас приблизить

его к себе. Вы заговорили со мной о любви... решили пожертвовать собой ради меня... Все эти шаги соответствовали моим замыслам относительно вас.

Вы помните, я хотела отказать вам, Доржевиль, но вы утверждали, что привязанность ваша ко мне все возрастает, и предложили скрепить ее узами Гименея. Предложение ваше полностью соответствовало моим планам, ибо брак смывал с меня позор, избавлял от унижений и нищеты... разбогатев и позабыв о прошлых преступлениях, я смогла бы уехать в отдаленную провинцию... где наконец стала бы женой своего любовника. Однако Небо воспротивилось моему замыслу. Остальное вам известно, и вы видите, как я наказана за свои проступки...

Сейчас вы избавитесь от чудовища, кое должно быть вам омерзительно... от существа низменного, злоупотребившего вашей доверчивостью... от той, кто, предаваясь кровосмесительному наслаждению в объятиях ваших, отдавалась еще и этому негодяю, ежедневно, с того самого момента, когда чрезмерное сострадание ваше приблизило нас друг к другу.

Вы должны ненавидеть меня, Доржевиль... Я того заслуживаю... Презирайте меня, молю вас... Но завтра, глядя из окон вашего замка на языки пламени, что пожирают тело несчастной... столь жестоко надругавшейся над вашими чувствами... едва не оборвавшей нить жизни вашей... пусть утешением мне будет мысль, что чувствительная душа ваша страдает моим несчастьем и что хотя бы единственной слезой вы оплачете меня и, быть может, вспомните, что та, кто стала мукой и позором всей вашей жизни, рождена была сестрой вашей. По праву рождения моего вы не можете отказать мне в сочувствии.

Низкая женщина не ошиблась: она растрогала сердце несчастного Доржевиля, и он заливался слезами, слушая ее рассказ.

– Не плачьте, Доржевиль, не плачьте, – сказала она, – я была не права, прося оплакать мою участь. Я этого не заслужила, вы же так добры, что уже исполнили мою просьбу. Позвольте мне осушить ваши слезы напоминанием о моих преступлениях. Взгляните на несчастную, говорящую с вами, как на самое гнусное скопище всяческих пороков, и вы содрогнетесь, вместо того чтобы проливать слезы сострадания...

При этих словах Виржини встает.

– Идемте, сударь, – твердым голосом обращается она к офицеру, – идемте, и пусть смерть моя будет уроком для жителей этой провинции. Пусть слабый пол, к коему принадлежу и я, увидев мою смерть, поймет, куда заводят неподчинение долгу и забвение Бога.

Спускаясь по лестнице, ведущей во двор, она попросила разрешения взглянуть на сына. Благородный и великодушный Доржевиль, приказавший воспитывать младенца с великим тщанием, не мог отказать ей в этом утешении. Приносят несчастного ребенка: она прижимает его к груди, целует... и вдруг, словно задув искру нежности, вспыхнувшую на мгновение в ее груди и осветившую весь ужас ее нынешнего положения, она собственными руками душит злосчастного младенца.

– Умри! – восклицает она, отбрасывая в сторону труп. – Тебе незачем жить, ибо рождение твое обрекает тебя на позор, бесчестие и страдание. Ты – моя последняя жертва: на земле более не осталось ни единого следа моих злодеяний.

При этих словах злоумышленница быстро садится в полицейскую карету, Сен-Сюрен в кандалах следует за ней на лошади. На следующий день в пять часов вечера оба гнусных преступника гибнут в страшных муках, уготованных им гневом Неба и людским правосудием.

Доржевиль же после тяжелой болезни роздал свое состояние домам призрения, покинул Пуату и удалился в обитель траппистов, где и умер через два года, так и не сумев, несмотря на полученный им жестокий урок, побороть в себе ни чувства жалости, ни стремления к благотворительности, прочно укоренившейся в душе его, ни безмерной любви к несчастной женщине, терзавшей его до последнего вздоха... и ставшей позором всей его жизни и единственной причиной его смерти.

Пусть же те, кто прочтет эту историю, поймут, что все мы должны чтить священные обязательства наши, забвение коих ведет нас к гибели. Если, паче чаяния, угрызения совести смогут остановить продвижение по стезе порока единожды оступившихся, то, значит, законы, предписываемые добродетелью, навсегда запечатлелись в сердцах наших. Слабость наша губит нас, зловредные советы развращают, рискованные поступки соблазняют, все предостережения оказываются забытыми, и дурман рассеивается лишь тогда, когда меч правосудия, готовый прервать череду преступлений наших, уже занесен над нашей головой: тогда уколы совести становятся невыносимы. Но время ушло, отмщение теперь принадлежит людям, и тот, кто причинял вред своим ближним, рано или поздно кончиной своей повергнет их в трепет.

Жюльетта и Ронэ, или заговор в Амбуазе ¹

Историческая повесть

Мир, подписанный в 1559 году в Като-Камбрези², лишь ненадолго вернул Франции спокойствие и умиротворение, коего она была лишена вот уже почти тридцать лет, ибо грудь ее терзали распри внутренние, гораздо более опасные, нежели враг внешний. Две религии, исповедуемые в стране, ревность и честолюбие, обуявшие слишком многих героических личностей, слабость правителей, смерть Генриха II, немощь Франциска II – все говорило о том, что вскоре после победы над врагом внешним следует ожидать пожара внутреннего, пламя коего будет во много раз смертоноснее, чем нашествие из-за границы.

Испанский король Филипп II жаждал мира; не желая иметь дело с Гизами, он уладил вопрос с выкупом коннетабля Монморанси, плененного им в День святого Кантена, дабы сей доблестный воин смог вместе с Генрихом II выработать условие договора, приемлемого для истерзанных войною народов обеих стран.

Приготовившись вступить в борьбу за королевское расположение, герцог Гиз и коннетабль решили прежде всего укрепить свои позиции, завербовав себе надежных союзников. Еще пребывая во мраке узилища, коннетабль распорядился женить Дамвиля, своего второго сына, на Антуанетте де Ла Марк, внучке знаменитой Дианы де Пуатье, носившей титул герцогини Валантинуа и заправлявшей всем при дворе своего любовника, короля Генриха.

С теми же целями Гизы устроили брак главы своего дома, Шарля III, герцога Лотарингского, с мадам Клод, второй дочерью короля³.

Генрих II жаждал мира почти так же сильно, как и король Испании. Ценитель роскоши и галантных манер, монарх устал от войны, боялся Гизов, желал поскорей увидеть горячо любимого им коннетабля и наконец получить возможность сменить непостоянные лавры Марса на гирлянды из роз и мирта, коими он так любил увивать Диану. Он прилагал все усилия для ускорения переговоров, и старания его оказались не напрасны.

Благодаря коннетаблю мир был заключен, и коннетабль торжественно прибыл ко двору в надежде взять в свои руки бразды правления. Однако Гизы обвинили его в излишней спешке при проведении переговоров, в результате которых, как известно, сам миротворец был вызволен из неволи, но Франция получила не слишком много выгод. Таковы главные персонажи посеянной в стране смуты и потаенные мотивы, двигавшие сторонами; участники распри раздували взаимную ненависть, коя и стала причиной ужасных событий, случившихся в Амбуазе.

Понятно, что истинными возбудителями беспорядков являются зависть и честолюбие; защита интересов Господа – это всего лишь предлог. О религия! Как же слепо ее почитают, если не замечают даже, сколько несчастий из нее проистекает! Неужели никто никогда не заподозрил, что именно под ее плащом находит пристанище Раздор, готовящийся излить на землю свой яд? Ведь если Бог существует, то разве не все Ему равно, как человек славит Его? Ему должны быть угодны добродетели наши, а не процессии, что мы устраиваем в Его честь. Он

¹ Речь идет о заговоре с целью похитить юного короля Франциска II, находившегося под влиянием братьев Гизов – герцога и кардинала (приходившихся дядьями Марии Стюарт, жене Франциска). Яростные католики, Гизы отличались крайней нетерпимостью к протестантам. После провала заговора Гизы жестоко расправились с его участниками, приказав повесить их на балконах и стенах замка; долгое время трупы их было запрещено снимать, и ветер разносил по округе смрадный запах разложения. – *Примеч. автора.*

² Мир, заключенный 3 апреля 1559 г. в Като-Камбрези королем Франции Генрихом II и королем Испании Филиппом II, положил конец Итальянским войнам. – *Примеч. автора.*

³ Заключив брак с Анной д'Эсте, дочерью герцога Феррарского и Рене Французской, герцог Франсуа де Гиз стал дядей короля и получил право претендовать на титул герцогов Анжуйских; претензии эти были основаны на том, что родоначальницей Анжуйского дома являлась Иоланда, дочь Рене Анжуйского. – *Примеч. автора.*

желает видеть чистоту сердец наших, и вряд ли для Него важно, какую религию мы для почитания Его избираем. Но почему тогда сторонники одного культа враждебно относятся к почитателям другого и даже готовы истребить их как злейших врагов своих?

В стремительнейшем распространении реформистского вероучения Лютера и Кальвина не было ничего удивительного, ибо именно разлад, царивший в Папской курии в Риме, неуемность и честолюбие пап, равно как и их скупость, побудили двух знаменитых реформаторов показать изумленной Европе, сколько уловок и нечестных приемов используют ловкие служители той веры, которую все полагали дарованной нам самим Небом. Весь мир открыл глаза, и половина людей во Франции сбросили с себя римское иго, дабы возносить молитвы Высшему Существо не так, как учили их развращенные и несправедливые служители культа, а так, как того хочет сама природа.

Когда мир был заключен, могущественные соперники, которых мы только что назвали, снедаемые желанием очернить и уничтожить друг друга, не замедлили призвать на помощь религию и коварно вооружить руку ненависти священным мечом веры. Принц Конде поддерживал партию реформистов в самом центре Франции; брат его, Антуан де Бурбон, собирал реформистов на юге; стареющий коннетабль не хотел вмешиваться в религиозную распрю, зато активным ее участником стал его племянник Шатийон⁴. Будучи в милости у Екатерины Медичи, и дядя и племянник усиленно расхваливали реформированную религию, так что многие стали опасаться, как бы королева не стала ей сочувствовать, пусть даже втайне. Гизы же изо всех сил поддерживали прежнюю веру; впрочем, разве брат герцога, кардинал Лотарингский, связанный теснейшими узами со Святым престолом, мог согласиться с ущемлением прав своей церкви?

Так обстояли дела в то время, кое беремся мы описывать; не осмеливаясь встретиться на поле боя один на один, предводители уничтожали сторонников друг друга и, стремясь утолить свою жажду мести, непременно находили жертвы, дабы послать их на эшафот.

Когда Генрих II был еще жив, его уговорили дать полномочия парламенту судить протестантов и приговаривать их к смерти на основании Экуанского эдикта, так как большинство их принадлежало к партии, враждебной двору. Кардинал Лотарингский, действуя по указке папы, делает все, чтобы с теми, кто угодил в лапы королевского правосудия, поскорее покончили. Но как только на эшафоте отсекают голову Дюбуру, начинается мятеж. Генрих II умирает, и государство оказывается в руках у нелюбимой всеми итальянки вкупе с чужаками, коих также ненавидят все; новый монарх недужен, к тому же ему всего шестнадцать лет. Враги Гизов полагают, что теперь победа их не за горами, но Ненависть, Честолюбие и Зависть, что скрываются в тени алтарей, зная, что там никакая опасность им не грозит, уже плетут нити своих интриг. И вскоре коннетабля и герцогиню де Валантинуа удаляют от двора, и всем начинают заправлять Гизы – герцог и кардинал; и вот уже фурии, потрясая своими змеями, ввергают в несчастья страну, только что пережившую жестокую войну, истощившую ее финансы и обезлюдевшую ее войско.

Сию плачевную картину мы сочли нужным набросать перед тем, как перейти к нашему повествованию. Прежде чем описывать виселицы в Амбуазе, следовало рассказать о причинах их сооружения... Необходимо было показать, чьи руки обогреты кровью несчастных и отчего истинные виновники событий остались в тени.

В Блуа царил покойствие; неожиданно возле городских ворот убили курьера, доставлявшего секретные депеши о делах текущих; слухов об этом убийстве ходило множество, и внимание Гизов тотчас обратилось на сей городок. Вскоре еще одного курьера, возившего секретные послания инквизиторов кардиналу Лотарингскому, постигла та же участь; Испания, Нидерланды и некоторые германские дворы сообщили французскому двору, что у него под

⁴ Гаспар де Шатийон, сеньор де Колиньи, вместе с Конде возглавлял партию реформистов (гугенотов). – *Примеч. автора.*

носом зреет заговор; герцог Савойский уведомил, что беглецы, скрывавшиеся в его владениях, часто собираются вместе, приобретают оружие, лошадей и громогласно заявляют, что вскоре во Франции воцарится их вера и они вернуться туда победителями.

Ла Реноди, один из самых храбрых и самых активных главарей протестантского движения, решил открыть людям глаза на новую веру: он объехал всю Европу, где всем рассказывал о неминуемом во Франции перевороте и производил всеобщую агитацию. Вернувшись в Лион, он отчитался о своей поездке перед другими главарями движения; решили приступить к принятию завершающих мер для организации переворота; начало действий отнесли на весну. Следующее собрание должно было состояться в Нанте. Когда все, кому требовалось, добрались до Нанта, Ла Реноди, квартировавший в доме бретонского дворянина Ла Гарэ, выступил перед сторонниками реформы с речью. Затем реформисты решили во что бы то ни стало добиться у короля разрешения свободно отправлять свой культ, а в случае если их к королю не допустят, истребить всех, кто этому препятствует, начиная с Гизов. На этом же собрании решили, что по приказу начальника, имя коего хранилось в секрете, Ла Реноди возглавит войско численностью в пятьсот конных дворян и двенадцати тысяч пехотинцев, собранных со всей Франции; войско это предполагается использовать не для нападения, а для обороны. Командовать им станут тридцать капитанов, получивших приказ прибыть под стены Блуа 10 марта будущего, 1560 года. Затем сторонники реформы разъехались по провинциям.

Один из самых уважаемых предводителей партии протестантов, барон де Кастельно, чью историю мы намерены рассказать, должен был ехать в Гасконь; Мазер отправлялся в Беарн, Месми – в Перигор и Лимузен; Май-Брезе – в Пуату, Мирбо – в Сентонж, Коквиль – в Пикардию, Ферьер-Малиньи – в Шампань, Бри и Иль-де-Франс, Муван – в Прованс и Дофине, и Шатонеф – в Лангедок. Мы называем имена глав сего предприятия, чтобы показать несказанные успехи движения реформистов, коих невежественные варвары считали достойными такой же мучительной казни, какой подвергают убийц и отцеубийц. Так велика была религиозная нетерпимость в те времена!

Реформисты отличались осмотрительностью, а потому о действиях их Гизы были осведомлены плохо; поэтому, несмотря на неблагоприятную обстановку, реформистам удалось собраться в Блуа; и планы их наверняка бы осуществились, если бы не предательство. Пьер Дезавенель, парижский адвокат, у которого проживал Ла Реноди, хотя и обратился в протестантскую веру, тем не менее рассказал о заговоре герцогу Гизу. Двор содрогнулся. Канцлер Оливье стал упрекать обоих братьев в том, что ежели бы те слушались его советов, то опасности удалось бы избежать. Екатерина испугалась и в тот же день покинула Блуа, где более не чувствовала себя в безопасности; она переехала в Амбуаз, некогда считавшийся неприступной крепостью; впрочем, и теперь она полагала, что там двор будет лучше защищен от нападения заговорщиков. По прибытии в Амбуаз состоялся совет, к которому вполне применимо высказывание Карла XII о польском короле Августе. Вместо того чтобы отдать приказ о захвате Карла, Август стал советоваться с двором и упустил возможность взять верх; тогда Карл XII сказал: «Сегодня он размышлял о том, что надо было делать вчера». В Амбуазе поступали точно так же. Объятый гневом, кардинал, будучи яростным папистом, предлагал уничтожить всех протестантов без разбору. Такова была позиция Рима. Герцог, более искушенный в политике, был уверен, что, последовав совету брата, они истребят множество народу, но ничего не добьются. Он предложил арестовать главарей заговорщиков и узнать у них, при необходимости подвергнув их пыткам, какими глухими и тайными тропами распространяется заговор: ведь гораздо важнее вызнать причины его и зачинщиков, нежели уничтожить первых попавшихся врагов.

Победило мнение герцога. Тотчас Екатерина назначила его королевским заместителем, не вняв доводам канцлера, достаточно опытного, чтобы предвидеть, какую опасность таят в

себе столь обширные полномочия; канцлер согласился поставить печать на приказ только при условии, что полномочия сии даются герцогу исключительно на время смуты.

Герцог Гиз подозревал братьев де Шатийон в сочувствии реформистам; ежели они действительно возглавляли сие движение, то сторонники королевской партии получали в их лице грозных противников. Зная, что племянники коннетабля в фаворе у королевы, Гиз уговорил Екатерину вызнать их взгляды. Впрочем, адмирал Колиньи и не скрывал своей приверженности новой церкви; он также предупреждал соратников, что если против них выступит Гиз, то жизнь их повиснет на волоске. Однако он был уверен, «что принуждение и пытки могут лишь возмутить умы, но не направить их на стезю истины», а в разговоре с королевой сказал, что и он, и братья его всегда готовы доказать стремление свое служить ее величеству.

Выразив чувства, подобающие почтительному подданному, адмирал посоветовал королеве издать эдикт о свободе совести и отправлении культа; он заверил ее, что принятие такого эдикта является единственным средством прекратить смуту. Королева вняла его словам; эдикт издали; всем сторонникам реформы, за исключением тех, кто под видом борьбы религиозной злоумышлял против государства, была объявлена амнистия.

Однако сделали это слишком поздно. К 11 марта все реформисты собрались неподалеку от Блуа. Обнаружив, что двор покинул город, они поняли, что их предали. Но так как все необходимые приготовления были выполнены, никто не посчитал нужным дать приказ к отступлению; начало действий отложили только на срок, потребный добраться до Амбуаза и произвести разведку местности. К этому времени в Амбуаз уже прибыл Конде; очутившись в стенах замка, он тотчас понял, что находится под подозрением; тогда он стал вести речи против сторонников реформы, но ввести в заблуждение противников своих ему не удалось. Он удвоил рвение, но в результате этой уловки его стали подозревать и приверженцы партии короля, и сторонники реформы.

Протестанты же тем временем развернули активную деятельность. Со стороны Тура подошел с набранным в его родном краю отрядом барон де Кастельно-Шалос; именно в его свите и находились двое ревностных сторонников дела реформы, о которых пришла пора поведать читателю. Один из них звался Ронэ, отважный молодой человек, отличавшийся как умом, так и красотой; Ронэ командовал отрядом, а сам он подчинялся непосредственно барону; вторым героем нашего рассказа будет дочь барона, которую Ронэ страстно любил с самого детства.

Жюльетта де Кастельно, недавно встретившая свою двадцать первую весну, являла собой истинное воплощение Беллоны. Высокая, изящная, словно сама Грация, она была наделена благородными чертами лица, роскошными каштановыми волосами, большими черными глазами, взгляд коих отличался живостью и красноречием, и поистине королевской статью. Воинственная, она жаждала сражаться бок о бок с самыми отважными воинами; владея всеми видами оружия, бывшими в то время в ходу, ловкая и неутомимая, она никогда не жаловалась на погоду и всегда была готова встретиться лицом к лицу с любой опасностью. Отважная и остроумная, предприимчивая, горделивая и суровая, она вместе с тем была искренней, неспособной на обман и страстно желала послужить протестантскому движению, сиречь вере отца и возлюбленного. Отважная красавица не пожелала разлучиться с обоими дорогими ее сердцу людьми, и барон, зная ее ум и ловкость и уверенный, что она сможет быть полезной, когда начнутся сражения, дозволил ей принять участие в их рискованном предприятии. Тем более что ее присутствие удваивало силы и рвение Ронэ, а значит, сражаясь на глазах у возлюбленной, он станет каждодневно стремиться заслужить лавры победителя, коими она его и увенчает.

Однажды утром Кастельно, Жюльетта и Ронэ в сопровождении нескольких человек из их отряда отправились разведывать окрестности и остановились в одном из предместий города Тура. В это же время из Амбуаза туда прибыл граф де Сансер, которому и сообщили о появлении поблизости отряда протестантов.

Граф спешит в укрытие барона и спрашивает его, зачем он явился в сопровождении солдат, и доводит до его сведения, что ношение оружия в городе запрещено. Капельно отвечает, что он едет ко двору с неким делом, о котором он никому не обязан рассказывать, а в качестве доказательства мирных своих намерений он путешествует в сопровождении дочери. Не удовлетворившись ответом барона, Сансер приказывает людям своим арестовать его; тогда барон вместе с Ронэ и Жюльеттой набрасываются на людей Сансера, раскидывают их и убегают. Сансер же, известный своей отвагой, на этот раз избирает в советчики мудрость и осмотрительность; зная, что в междоусобных войнах победа принадлежит не тому, кто проливает кровь, а тому, кто умет остановить кровопролитие, он, исполненный достоинства, возвращается в Амбуаз и докладывает Гизу о своей неудаче.

Честный и законопослушный, Сансер был старый и опытный офицер и вдобавок друг Гизов; оказав немало услуг трону, он мог не слишком беспокоиться о своей неудаче. Будучи же истинным французом, он успел разглядеть прекрасные черты Жюльетты и, докладывая герцогу о результатах экспедиции, не преминул воздать хвалу юной красавице. Обрисовав ее благородную осанку и прелестное лицо, он принялся расписывать ее отвагу в бою, ее бесстрашие и ее мужество, ее ловкость в обороне и храбрость в наступлении, заставлявшие противника обходить ее стороной. По мнению Сансера, ее удивительная отвага, несомненно, пробуждала к ней огромный интерес со стороны поклонников, тем более что к качеству сему, бесспорно, следовало прибавить неотразимую женственность и присущие полу ее добродетели, кои, увы, встречаются все реже и реже.

Сгорая от любопытства, герцог Гиз возжаждал познакомиться со столь совершенной девой и быстро измыслил сразу два способа, как заманить ее в замок. Во-первых, он мог ее арестовать, а во-вторых, притворившись, что он поверил барону, пригласить его прибыть в город вместе с дочерью и пообещать ему помочь получить свидание с королевой. Подумав, герцог выбирает второй способ; он пишет письмо барону и поручает ловкому человеку доставить его. Предшествуемый герольдом, посланец приезжает в замок Нуазет, где находится барон и разместились его отряды из Гаскони и Беарна, кои готовы идти на Амбуаз. Несмотря на предосторожности, принятые обитателями замка, посланец герцога успел заметить, что в замке необычайно много людей; вернувшись, он сообщил об этом своему повелителю, и вскоре мы увидим, что из этого вышло.

Барон де Капельно решает воспользоваться предложением герцога, полагая, что таким образом он, скрыв истинные свои замыслы, сумеет узнать обстановку в Амбуазе; поэтому он любезно отвечает, что, будучи недужным вследствие полученной им в стычке при Туре раны, сам он прибыть не может, но пришлет к королеве самого дорогого ему человека, а именно дочь свою Жюльетту, коей он и вручит записку с прошением издать эдикт о веротерпимости, позволяющий свободное отправление культа, исповедуемого им и его сторонниками.

Получив секретные инструкции и надлежащие письма, в том числе и особое послание к принцу Конде, Жюльетта отбывает. Поручение тяжким грузом ложится на ее сердце, ибо все, что сулит ей разлуку с отцом и возлюбленным, удручает ее, и, сколь бы велико ни было ее мужество, она всегда, когда ей приходится пускаться в путь в одиночестве, заливаясь горячими слезами. Желая утешить ее, барон обещает, что, ежели через четыре дня переговоры все еще будут топтаться на месте, он начнет штурмовать Амбуаз. Ронэ же, припав к стопам возлюбленной, клянется при необходимости биться за нее до последней капли крови.

Мадемуазель де Капельно прибывает в Амбуаз, где ее встречают со всем подобающим уважением. Остановившись, как и было договорено, у графа де Сансера, она без промедления просит проводить ее к герцогу Гизу, коего просит сдержать слово и поскорее изыскать для нее удобный предлог броситься к ногам Екатерины Медичи, дабы вручить ей отцовские прошения.

Но Жюльетта не подозревает, что очарование ее может заставить забыть любые обязательства. Завороженный дивной красотой девушки, герцог Гиз думает только о том, как ему пробудить в ней ответное чувство, позабыв обо всех обещаниях, данных им в письме к ее отцу.

Сначала он мягко упрекает ее за стычку под стенами Тура, утверждая, что уверенность мятежников в своем превосходстве является наилучшим доказательством их злоумышления против власти. Краснея, Жюльетта заверяет его, что ни она, ни отец ее никогда не брались за оружие первыми, однако она полагает, что всем дозволено защищаться, когда противник нападает первым. И она вновь настойчиво просит представить ее королеве. Герцог же, желая как можно дольше задержать в Амбуазе предмет своей новой страсти, отвечает, что для изыскания такой возможности потребуется несколько дней. Жюльетта, понимая, к чему может привести такая задержка, настаивает. Но герцог упорствует и отправляет ее обратно к графу де Сансеру, пообещав предупредить ее сразу, как только возникнет возможность осуществить ее желание.

Тогда героиня наша решает воспользоваться отсрочкой, чтобы изучить город и передать послание принцу Конде, которого давно уже в Амбуазе взяли на подозрение, а потому он как можно тщательнее скрывал истинные свои взгляды и намерения; в интересах общего дела принц повелел Жюльетте никому не сообщать о наличии у нее адресованного ему письма и, как следствие, не стремиться к прилюдной встрече с ним. Положившись на слово Гиза, Жюльетта попросила отца ничего не предпринимать. Барон согласился, но оказался не прав. Тем временем Ла Реноди, чьи рвение и усердие нам уже известны, к всеобщему сожалению, окончил дни свои в лесу Шато-Рено⁵. В бумагах его секретаря Лабиня нашли подробнейшие сведения, относящиеся к заговору, и теперь герцог был осведомлен в мельчайших деталях о замыслах барона де Кастиельно; уверенный, что демарши Жюльетты являются всего лишь прикрытием тайной ее деятельности, Гиз, исполнившись еще большего стремления удержать девушку при себе, решился наконец объясниться с ней начистоту и поступить с ее отцом в зависимости от того, какой ответ даст ему дочь. И он послал за Жюльеттой.

– Жюльетта, – угрожающе начал он, – недавние события окончательно убедили меня, что намерения вашего отца далеки от тех, о коих вам угодно было мне сообщить; бумаги Ла Реноди раскрыли нам истинную суть ваших замыслов. Так что к чему мне представлять вас ко двору? О чем вы станете говорить с нашей королевой?

– Господин герцог, – отвечала Жюльетта, – я не могу поверить, что человек, верой и правдой служивший у вас под командой и не раз сражавшийся с вами бок о бок, человек, чьи мужество и отвага прекрасно вам известны, может оказаться у вас на подозрении.

– Новые веяния испортили людские души; я больше не узнаю сердца французов; восприняв новое учение, они изменились.

– Неужели вы считаете, что, утратив веру в вашу религию, кою запятнали грязью гнусные лицемеры, мы лишились тех добродетелей, коими нас наделила природа? Первейшая добродетель, живущая в душе каждого француза, – это любовь к своему родному краю, и именно эта высочайшая добродетель, сударь, и привела часть французов в стан тех, кто в чистоте и простоте возносит молитвы Господу.

– У вас на все готов ответ, Жюльетта. Вы можете обелить любые замыслы, даже если они чрезвычайно опасны для государства; а именно сейчас, как мне стало известно, вы лелеете мысль свергнуть существующую ныне власть, возвести на трон одного из ваших главарей и посеять смуту во всей Франции.

⁵ Он был убит пажом юного Пардальяна. Встретив в лесу Шато-Рено Пардальяна и увидев, как тот бросается к нему, целясь в него из пистолета, Ла Реноди наносит Пардальяну два смертельных удара шпагой, хотя Пардальян и является его кузеном. Паж Пардальяна стреляет из аркебузы в Ла Реноди и убивает его наповал. Тело Ла Реноди доставили в Амбуаз и повесили на высокой виселице, что стояла на мосту, прикрепив на грудь табличку с надписью: «Ла Реноди по прозванию Лафоре, главарь мятежников». – *Примеч. автора.*

– Я готова простить подобного рода мысли вашему брату, сударь; воспитанный в лоне церкви, ненавидящей нас и превратившей нас в изгоев, он судит нас так, как ему внушили его наставники... Но вы, господин герцог, должны хорошо знать своих соотечественников: вы же командовали ими на поле боя! Неужели вы и вправду считаете, что религиозные разногласия могут породить в душе их ненависть к отчизне? Неужели вы действительно подозреваете этих отважных воинов в дурном умысле? Где же ваша человечность, ваше чувство справедливости? Пользуясь врученной вам огромной властью, делайте людей счастливыми, а не проливайте кровь тех, кто отличается от вас только тем, что думает иначе, нежели вы. *Действуйте убеждением, сударь, но не убивайте нас.* Пусть служители нашего культа устраивают диспуты с вашими пастырями, а народ, вняв наиболее убедительным доводам, сам последует правильной дорогой. Эшафот ничего не сможет доказать; меч – это оружие неправого, вот почему глупец и невежда всегда готов им размахивать; меч вербует сторонников, пробуждает рвение, но не разрешает проблему. Не будь Нерона и Диоклетиана, христианская религия до сих пор пребывала бы в неизвестности. Послушайте, господин герцог, мы готовы прекратить действия, кои вы именуете мятежническими; однако мы не собираемся мириться с тем, что ваши палачи будут внушать нам почтение к абсурдным догмам, противоречащим здравому смыслу, и не дадим перебить себя, словно зверей на арене цирка. Исполненные любовью к отчизне, мы станем разъяснять правителям их заблуждения и давать отпор нашим гонителям, а когда правители станут смотреть на нас как на братьев, мы вновь станем для отчизны нашей ее детьми и солдатами⁶.

Речь эта, произнесенная очаровательнейшим созданием необычайно убедительно, окончательно распалила герцога, однако он постарался скрыть свои истинные чувства под напускной суровостью.

– Знаете ли вы, – обратился он к Жюльетте, – что речь ваша... ваше поведение... одним словом, долг мой повелевает мне послать вас на смерть. Неужели, упрямое создание, вы не понимаете, что находитесь в моей власти?

– Конечно понимаю, сударь, а потому, ежели вы решитесь злоупотребить доверием, кое вам удалось внушить мне посредством ваших писем к отцу, я стану презирать вас.

– Клятва, данная вероотступникам, не признается церковью таковой.

– Так вы хотите внушить нам почтительные чувства к церкви, которая, согласно вашим же словам, оправдывает любые преступления и поощряет клятвопреступников?

– Жюльетта, вы забываете, с кем говорите!

– Напротив, я прекрасно помню, что говорю с чужеземцем из Лотарингии. Ни один француз никогда не принудил бы меня отвечать на те вопросы, ответов на которые требуете вы.

– Этот чужеземец – дядя вашего короля, его первый министр, и вы обязаны относиться к нему с почтением.

– Если он сумеет завоевать мое доверие, тогда ему не придется жаловаться на мою непопечительность.

– Я хотел бы стать господином вашего сердца, – произносит герцог в величайшем волнении. И, выдавая истинные свои чувства, добавляет: – От вас зависит, получу ли я вожделенную власть. Не смотрите на герцога де Гиза как на сурового судью; если вы взглянете в него внимательно, то узрите перед собой влюбленного, снедаемого желанием вам понравиться и услужить.

– Вы... вы любите меня!.. Праведное Небо!.. Но разве вы можете иметь на меня виды, сударь? Вы связаны узами Гименея, я – узами Амура.

– Вторые узы гораздо более опасны, чем первые, ибо первыми я готов ради вас пожертвовать... но, боюсь, вы не пожелаете последовать моему примеру.

⁶ Вот так в этих гордых душах давали всходы первые ростки свободы. – *Примеч. автора.*

– Господин герцог, разве вы забыли, что я просила вас представить меня королеве? Ведь только ради этого представления отец дозволил мне приехать в Амбуаз!

– Неужели Жюльетта забыла, в чем обвиняют ее отца? Стоит мне распорядиться, и уже сегодня отец ваш будет в оковах!

– С вашего позволения, сударь, я удаляюсь, уверенная, что вы не станете злоупотреблять своей властью и удерживать меня здесь против моей воли: вы же сами выдали мне охранную грамоту.

– Разумеется, Жюльетта, вы свободны; несвободен я... Вы вольны уйти, Жюльетта, и я в последний раз скажу вам... что обожаю вас... что ради вас я готов на все... Нет ничего, чего бы я не сделал для вас... Моя любовь или моя месть... Выбирайте... Оставляю вам время на размышления.

Жюльетта вернулась к графу де Сансеру; зная его как храброго воина, неспособного на низость или предательство, она рассказала ему о своей беседе с герцогом. Военачальник сей был безмерно удивлен и даже стал раскаиваться в том, что ввязался в эту историю с переговорами. Когда же Жюльетта сказала ему, что, на ее взгляд, в сложившихся обстоятельствах ей лучше вернуться к барону де Кастельно, де Сансер, не желая рассердить герцога Гиза, ответил, что дозволения уехать ей необходимо просить у герцога или у кардинала. Поняв, что она угодила в ловушку, раздосадованная мадемуазель де Кастельно рассказала обо всем принцу Конде, и тот, возмущенный признаниями герцога, пообещал сообщить о них барону.

Тем временем герцог Гиз, понимая, что ему не удастся сломить сопротивление Жюльетты и она по-прежнему станет отвечать ему отказом, решил, пользуясь полученными им сведениями о замыслах реформистов, атаковать барона де Кастельно в его твердыне, то есть в замке Нуазе. Он был уверен, что стоит ему захватить барона, как дочь тут же пойдет на попятную. Возглавить операцию поручают Жаку де Савуа, герцогу Немурскому, одному из самых элегантных и привлекательных сторонников Гизов. При этом герцогу велят ни в коем случае не ранить и не убивать барона де Кастельно, но живым и невредимым доставить в Амбуаз: будучи одним из главарей заговорщиков, барон, без сомнения, сможет многое рассказать.

Отряд под командой Немура окружает Нуазе и с такой яростью идет в атаку, что Кастельно понимает бесполезность сопротивления, тем более что с помощью своей дорогой Жюльетты он уже приступил к переговорам, и прекрасная посредница, пребывая во власти Гизов, просит его не браться за оружие. Поэтому Кастельно предлагает перемирие; Немур соглашается, но спрашивает, что за военные приготовления ведет барон и как могло случиться, что столь славный дворянин, желая попасть ко двору, берется за оружие и безрассудным сим поступком заставляя забыть о своем славном прошлом, о своей преданности государству и безупречной службе во благо Франции и всей Европы. Кастельно отвечает, что он нисколько не отрекается от своей былой славы, а, напротив, трудится, чтобы заслужить еще большую, а наивысшим знаком его покорности двору является пребывание в Амбуазе его дочери, которой он поручил преклонить колени перед королевой; мятежный подданный никогда бы так не поступил.

– Тогда зачем вам столько оружия? – спрашивает Немур.

– Оружие, – отвечает барон, – должно помочь нам проложить дорогу во дворец, с его помощью мы отомстим тем, кто не хочет допустить нас ко двору. Но если нам не станут преграждать путь, мы явимся с оливковой ветвью в руке.

– Если вы добиваетесь только этого, – говорит Немур, – отдайте мне ваши мечи, ибо они вам не понадобятся... я постараюсь удовлетворить ваши желания... возьму на себя труд представить вас королю.

Барон соглашается, люди его складывают оружие, и все они отправляются в королевскую резиденцию; там Немур громко высказывает при Гизах свою просьбу, прибавив, что пообещал

реформистам полную безопасность, но ему не внимают, и утро барон и его соратники встречают в темнице Амбуаза.

К счастью, во время этих событий Ронэ в замке его начальника не было; узнав об аресте барона, он решил, что возвращаться туда одному нет смысла, и отправился к командирам ополчения, набранного в Иль-де-Франс; понимая, какая опасность грозит в Амбуазе барону и Жюльетте, он призвал всех этих командиров отомстить за предводителя и уговорил их совершить дело, о коем мы вскоре узнаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.